

ЭКОНОМИКА ТРУДА И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 330.3

Социальные императивы устойчивого развития

О. А. Канаева

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Канаева О. А. Социальные императивы устойчивого развития // Вестник СПбГУ. Экономика. 2018. Т. 34. Вып. 1. С. 26–58. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2018.102>

В статье обоснована необходимость акцентировать внимание на изучении социальной составляющей устойчивого развития (УР). В качестве методологической базы исследования автор рассматривает триединый подход к трактовке устойчивого развития, в основе которого лежит представление о трех его основаниях (трех измерениях): экономическом, экологическом и социальном. Традиционно главное внимание исследователей направлено на экологическую и экономическую составляющие УР, в то время как его социальные аспекты изучены в меньшей степени. В связи с этим отсутствует общепринятый подход к трактовке его социальной составляющей, социальных параметров, индикаторов и императивов. Целью статьи является определение социальных императивов УР, обоснование повышения их роли в обеспечении устойчивого развития. В статье показаны современные подходы к трактовке его социальной составляющей, социальных параметров и индикаторов; раскрыто содержание понятия «социальные императивы УР». Целесообразность введения в научный оборот данного понятия обусловлена, по мнению автора, наличием множества факторов и неоднозначным характером их воздействия на процесс устойчивого развития. Речь идет о явлениях и процессах социального характера, формирующих риски, тенденциях и институтах, которые обуславливают, с одной стороны, необходимость перехода к устойчивому развитию, с другой стороны — возможность реализации его базовых принципов. В настоящей работе внимание акцентировано на изменениях, имеющих системный характер, отражающих процесс повышения социальной ответственности всех участников хозяйственной деятельности: государства, бизнеса, граждан, общества в целом. Среди них: формирование социально ответственного мышления у субъектов хозяйственной деятельности, феномена ответственного (устойчивого) потребления, многосубъектной, солидарной модели социальной политики; институционализация корпоративной социальной ответственности; повышение роли университетов и бизнес-школ в становлении социально ответственного мышления, продвижении принципов социальной ответственности и устойчивого развития.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

Ключевые слова: устойчивое развитие, социальные параметры, социальные индикаторы, социальные императивы устойчивого развития, корпоративная социальная ответственность, социальная политика.

Введение

Концепции, ассоциируемые с проблематикой устойчивого развития (устойчивого развития организации (компании), корпоративной устойчивости, зеленой экономики, инклюзивного экономического роста), приобретают в последнее время все более широкое признание. Т. Диллик и К. Хокертс, активно занимающиеся исследованиями в данной области, справедливо заметили, что «устойчивость превратилась в мантру XXI века» [Dyllick, Hockerts, 2002].

Неуклонно растущий интерес к данному феномену подтверждается многочисленными международными инициативами, созданием международных и национальных исследовательских центров, сетевых структур, обсуждением релевантных проблем на площадках ведущих мировых форумов, увеличением количества публикаций, разработкой стандартов в области устойчивого развития [Национальный стандарт Российской Федерации..., 2016].

В качестве примера можно привести документы Всемирного форума «Рио+20», одной из центральных тем которого стало обсуждение новой парадигмы глобального устойчивого развития¹, а также дискуссия по проблемам корпоративной устойчивости². Форум подтвердил приверженность глав государств и правительств, мирового сообщества принципам Деклараций по устойчивому развитию, принятых в Рио-де-Жанейро (1992) и Йоханнесбурге (2002); более 3 000 корпоративных участников заявили о своей приверженности идеям устойчивого развития [Будущее, которого мы хотим..., 2012]. В то же время участники форума подчеркнули необходимость системного подхода к трактовке данного феномена, предполагающего интеграцию трех компонентов устойчивого развития (экономического, экологического и социального) на всех его уровнях (глобальном, национальном, региональном и корпоративном). Данное концептуальное положение нашло отражение и в документах, принятых за последнее время: Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. [Преобразование нашего мира..., 2015], Парижском климатическом соглашении [Парижское соглашение..., 2015], определяющем приоритеты борьбы с климатической угрозой в мире до 2030–2050 гг. В данных документах обозначены как концептуальные приоритеты развития, конкретные цели, стоящие перед мировым сообществом, так и количественные индикаторы, позволяющие правительствам государств планировать действия, направленные на выполнение выработанных решений. Особый интерес представляют Цели устойчивого развития ООН на период 2016–2030 гг. (ЦУР-2030), которые сформулированы в Повестке дня в области устойчивого развития. Документ представляет собой коллективный план действий, поддержанный 193 странами, и содержит 17 целей и 169 задач в области УР.

¹ 20–22 июня 2012 г. в Рио-де-Жанейро прошел Всемирный форум по устойчивому развитию. Форум получил название «Рио+20», поскольку был приурочен к 20-й годовщине «Саммита Земли». Общее число участников составило 45 тысяч человек. В работе Форума приняли участие 192 национальные делегации, почти половина из которых была представлена на уровне глав государств и правительств.

² Корпоративный форум по устойчивому развитию «Рио+20» (Рио-де-Жанейро, 21.07.2012). URL: <http://www.un.org/ru/sustainablefuture/about.shtml> (дата обращения: 10.11.2017).

Актуальность и востребованность исследований проблематики устойчивого развития (УР) связаны со многими причинами познавательного, теоретического и практического характера; формированием ряда долгосрочных экономических и социальных тенденций, глобальных рисков и вызовов; поиском модели социально-экономического развития, альтернативной неолиберальной модели капитализма, сложившейся во многих экономически развитых странах мира. В основе последней лежат, как известно, постулаты неоклассического направления экономической теории, представители которого рассматривают экономическое мышление, экономический рост, рост потребления, конкуренцию и ориентацию экономической деятельности на достижение краткосрочных результатов, материализуемых в прибыли, в качестве основных императивов экономического развития. В настоящее время неэффективность неолиберальной модели, ее неспособность предложить адекватные ответы на современные вызовы становятся все более очевидными. Подтверждением этого является системный кризис, который проявляется во всех важнейших сферах жизнедеятельности общества: экономической (замедление темпов экономического роста, растущая волатильность рынков, обострение борьбы за ресурсы), социальной (низкая эффективность социальной политики, растущее материальное и социальное расслоение, проблема бедности); экологической (растущее техногенное и антропогенное давление на окружающую среду); политической (кризис сложившейся после Второй мировой войны системы международной безопасности, отсутствие эффективных механизмов предотвращения военных, политических и гуманитарных кризисов).

Об остроте глобальных социально-экономических и экологических проблем и рисков свидетельствуют данные, содержащиеся в заключительном докладе ООН «Цели развития тысячелетия» (ЦРТ) [Цели развития тысячелетия..., 2015]. В нем подводятся итоги 15-летних усилий, направленных на достижение восьми целей, провозглашенных в Декларации тысячелетия, освещаются многие мировые достижения и в то же время формулируются наиболее острые социальные и экологические проблемы, решение которых рассматривается как приоритетное. Авторы доклада подчеркивают, что, несмотря на огромный прогресс, достигнутый за последние 15 лет и наметившиеся позитивные тенденции, цели развития тысячелетия, предусматривавшие к 2015 г. ликвидацию крайней нищеты и голода, обеспечение всеобщего начального образования, сокращение детской смертности, обеспечение экологической устойчивости, создание системы глобального партнерства для решения этих проблем, не были достигнуты.

По данным ООН, в настоящее время около 800 млн человек по-прежнему живет в условиях крайней нищеты; каждый девятый житель планеты страдает хроническим недоеданием, около 160 млн детей голодают, 57 млн детей младшего школьного возраста не посещают школу. Свыше 1,3 млрд человек (20 % народонаселения мира) лишены возможности пользоваться источниками электроэнергии. В мире в целом почти половина работников трудоустроена на условиях нестабильной занятости. Увеличивается межстрановая дифференциация доходов населения. Миллионы людей не могут пользоваться достижениями прогресса, особенно беднейшие и малоимущие, в силу своего пола, возраста, инвалидности, этнической принадлежности или географического места проживания. Более 50 % людей, находящихся в условиях крайней нищеты, являются жителями пяти стран: Индии, Нигерии, Китая, Бангладеш и Демократической Республики Конго.

Организация ООН по окружающей среде (ЮНЕП) в «Резюме для политиков и лиц, принимающих решения» констатировала провал намеченного 20 лет назад плана экологического развития, из 30 пунктов которого только четыре получили положительную оценку. В докладе отмечается, что глобальное потепление сдержать не удалось, океаны становятся все более кислыми, биологические виды исчезают со скоростью вымирания динозавров, растут отходы и вырубка лесов [Глобальная экологическая перспектива..., 2012].

Вопрос о возможности решения указанных проблем в рамках существующей экономической модели является предметом острых дискуссий, в ходе которых высказываются весьма радикальные суждения. Так, профессор Гарвардского университета (США) К. Рогофф отмечает, что вопрос о закате капитализма перестал быть чисто теоретическим и называет пять причин его саморазрушения: проблемы материального и социального неравенства; экологические проблемы; растущие диспропорции между ростом потребления и возможностями удовлетворения потребностей; проблемы обеспечения благосостояния будущих поколений; глобальный финансовый кризис [Rogoff, 2011]. Основатель и председатель Всемирного экономического форума (Давос) Клаус Шваб также вынужден признать: «Капиталистическая система абсолютно не вписывается в модель современного мира» [Мантанов, 2012]. Участники Всемирного социального форума, который проходил в бразильском городе Порту-Алегри (2012), выдвинули лозунг «За устойчивое развитие без капитализма» [Лехтман, 2012]. Очевидно, что с такой радикальной позицией и критикой капитализма согласны далеко не все. Многие исследователи, представители бизнес-сообщества, рассматривают капитализм, систему, основанную на свободном предпринимательстве и свободе выбора, в целом как эффективную модель, возможности которой реализованы далеко не полностью. Вместе с тем и они признают, что в силу многих причин (игнорирование этических принципов и норм, утрата истинных корпоративных ценностей и целей ведения бизнеса, избыточное, расточительное потребление и т. д.) реально функционирующая экономическая модель утратила свою эффективность, репутация бизнеса, особенно крупного, неуклонно снижается, а сам капитализм требует капитального «ремонта» и усовершенствования [Макки, Сисодиа, 2015, с. 31–33].

На фоне кризиса сложившейся модели социально-экономического развития и нарастания глобальных рисков и противоречий все более широкую поддержку получают идеи *устойчивого, сбалансированного развития; инклюзивного экономического роста*³; *создания «общих ценностей»* [Портер, Креймер, 2011; Бартон, 2011]; *сознательного капитализма* [Макки, Сисодиа, 2015], *позитивной экономики Ж. Аталли* [Позитивная экономика..., 2015], рассматриваемых в качестве возможных ориентиров как в развитии общества, так и в деятельности бизнес-организаций [Guide to Corporate ..., 2014; Документы общего собрания ..., 2016].

³ В международных документах и публикациях все более широко используются термины “inclusive”, “inclusive economic growth”, “sustainable and inclusive global economy”. Термин “inclusive”, как правило, переводится на русский язык как «всеобъемлющий». Понятие «инклюзивный экономический рост» трактуется неоднозначно. Как правило, оно используется для характеристики экономического роста, сопровождаемого достижением трех взаимосвязанных эффектов: экономического, экологического и социального [Пахомова и др., 2014]. Понятие устойчивой и инклюзивной глобальной экономики раскрывается в докладе ООН «Трансформируя бизнес, изменяя мир» [Трансформируя бизнес..., 2015].

Начало широкой дискуссии по проблематике устойчивого развития обычно ассоциируют с выходом доклада «Пределы роста», подготовленного Римским клубом в 1972 г.⁴ Появление концепта «устойчивое развитие» было связано с осознанием того факта, что человеческое общество приближается к глобальному кризису, который может быть вызван исчерпанием ресурсов и растущим антропогенным и техногенным давлением на биосферу, а также с пониманием необходимости формирования иной модели экономического развития, основанной на принципах устойчивости и сбалансированности. Не случайно среди основных проблем устойчивого развития, как правило, называют проблему *исчерпаемости ресурсов*, вызванную ростом потребностей на фоне ограниченности ресурсов, и, как следствие, проблему *ограниченности модели экономического роста*, которой придерживаются экономически развитые страны мира.

Определение понятия “sustainable development” (на русский язык обычно переводится как «устойчивое развитие»), ставшее хрестоматийным, было предложено в 1987 г. Международной комиссией по окружающей среде и развитию, которую возглавляла премьер-министр Норвегии Г.Х. Брундтланд. Устойчивое развитие — это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу возможности будущих поколений удовлетворять свои потребности [Наше общее будущее..., 1989].

К наиболее значимым результатам дискуссии по проблемам устойчивого развития, на наш взгляд, следует отнести формирование его концептуальных (теоретических) основ, а именно:

- осознание объективной обусловленности перехода к УР и его трактовку как ответа на современные вызовы и риски, как новой парадигмы социально-экономического развития;
- формирование триединого (системного, интегрированного) и многоуровневого подходов к УР (предполагается исследование данного феномена на глобальном, национальном, региональном и корпоративном уровнях).

Вместе с тем следует отметить, что в настоящее время существует весьма широкий спектр подходов к пониманию сущности этого явления и определению соответствующего понятия. Это свидетельствует об отсутствии интегральной общепринятой концепции устойчивого развития, под которой мы понимаем целостную и непротиворечивую систему взглядов на данный феномен, его цели, принципы, движущие силы, механизмы и индикаторы.

Один из известных экспертов в данной области Д. Медоуз признает: «Мы не знаем, что такое устойчивое развитие, но мы понимаем, что не является таковым. Бессмысленная трата энергии — это не устойчивое развитие. Вырубка лесов и разрушение почвенного покрова — тоже. Многие понимают под устойчивым развитием какую-то конечную точку в движении общества. Стоит достичь этой точки, и все проблемы окружающей среды автоматически исчезнут. Мне кажется, что устойчивое развитие — это не конечная цель, а то, как мы движемся в направлении этой цели» [Медоуз, 2005]. Продолжающаяся дискуссия указывает на то, что задачи

⁴ Римский клуб — негосударственная организация, членами которой являются известные ученые, экономисты, бизнесмены и политические деятели. Основной его целью стал поиск путей, позволяющих избежать глобального кризиса, обусловленного многочисленными экологическими, социальными и экономическими угрозами (подробнее см.: [Печчеи, 1985]).

систематизации и интеграции существующих подходов к трактовке устойчивого развития и в конечном итоге его концептуализации не утратили своей актуальности.

Несмотря на то что процесс концептуализации исследуемого феномена не завершен, постепенно формируется представление о том, что ориентация на устойчивое развитие задает определенную *систему координат*; *предопределяет нормы и правила поведения* субъектов хозяйственной деятельности, соответствующие *ограничения*; предполагает формирование иной *системы ценностей* и иных *критериев оценки* результатов хозяйственной деятельности, отказ от ценностно нейтральных концепций эффективности и разворот к ценностно ориентированным концепциям, учитывающим этические аспекты деятельности [Ставерен, 2009]. В рамках этой системы координат устойчивое развитие должно предполагать:

- сбалансированный, инклюзивный экономический рост, сопровождаемый мерами по рациональному использованию ресурсов и сохранению окружающей среды, снижением нагрузки на нее, а также повышением уровня и качества жизни, обеспечением большей социальной справедливости;
- изменение системы корпоративных ценностей и целей ведения бизнеса, обеспечение оптимального размера прибыли с учетом так называемых *полных, или истинных издержек*⁵;
- добросовестную конкуренцию;
- ответственное (устойчивое) потребление;
- ответственное инвестирование;
- нацеленность на реализацию долгосрочных целей и долгосрочных интересов общества (повышение качества жизни с одновременным сохранением жизнеспособности окружающей среды); достижение большей социальной справедливости;
- внедрение социально ответственной модели ведения бизнеса;
- минимизацию и устранение негативных межвременных (интертемпоральных) эффектов (последствий) принимаемых в настоящее время решений, способных оказать негативное влияние на будущие поколения.

Одним из аспектов формирования теоретических основ устойчивого развития является определение его *ключевых принципов*. В качестве таковых, по нашему мнению, следует рассматривать *принципы воспроизводимости, сбалансированности и вовлеченности*.

Первый принцип означает *воспроизводимость ресурсов*, благ, условий жизни, необходимых для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений; сохранение и накопление капитала общества (природного, экономического, человеческого, социального). Так, в документах Всемирного банка устойчивость развития трактуется как неумножение совокупного капитала общества во времени.

Реализация второго принципа предполагает *сбалансированность* экономических, экологических и социальных аспектов развития; согласованность интересов настоящего и будущих поколений, различных групп заинтересованных сторон общества и корпораций.

⁵ Полные (истинные) издержки — издержки производства, рассчитанные с учетом затрат на возмещение ущерба, который может нанести производство окружающей среде [Шуинар и др., 2011].

Третий принцип — *вовлеченность* — обычно трактуется как *ориентация* развития на удовлетворение потребностей, запросов и ожиданий общества, представленного широким кругом заинтересованных сторон. На наш взгляд, наряду с этим речь должна идти и о *восприятии* принципов устойчивого развития гражданами, компаниями и организациями, обществом, об их готовности следовать им в своей повседневной, хозяйственной и профессиональной деятельности, принимать на себя определенные обязательства и ограничения. В противном случае шаги и инициативы, предпринимаемые международными организациями и правительствами в области устойчивого развития, не дадут ожидаемого эффекта.

Важнейшей *методологической основой* исследования проблем устойчивого развития является триединый подход к его трактовке, в основе которого лежит представление о трех его основаниях (трех измерениях): экономическом, экологическом и социальном. Концепция трех измерений УР была четко сформулирована в 2002 г. на Всемирном форуме по устойчивому развитию (Йоханнесбург) [Йоханнесбургская декларация..., 2002] и в дальнейшем легла в основу многих документов ООН, Всемирного банка, ОЭСР, Европейского союза, стратегий устойчивого развития многих государств.

Триединый подход к формированию и реализации стратегии УР получил отражение и в Обновленной стратегии ЕС [Renewed European Sustainable..., 2006]. В докладе Европейской экономической комиссии и Программы развития ООН (ПРООН) «От переходного периода к трансформации: устойчивое и всеобъемлющее развитие в Европе и Центральной Азии», подготовленном к конференции «Рио+20», подчеркивалась значимость именно социальной составляющей устойчивого развития, а в качестве основного критерия развития предлагалось использовать «человеческое измерение» (human dimension) [От переходного периода к трансформации..., 2012]. В документах Корпоративного форума по устойчивому развитию «Рио+20» (2012) были обозначены его ключевые социальные параметры, на которые компании способны оказать заметное воздействие посредством своей основной деятельности, инноваций и партнерств [Корпоративный форум по устойчивому развитию..., 2012, с. 26].

Сторонники триединого подхода полагают, что обеспечение экономической, экологической и социальной устойчивости является фундаментальным условием устойчивого развития. Так, в докладе ООН «Цели развития тысячелетия» (2015) подчеркивается необходимость интеграции трех его оснований (измерений).

Таким образом, устойчивое развитие может трактоваться как развитие, имеющее определенную направленность, задаваемую целями УР, отвечающее принципам воспроизводимости, сбалансированности и вовлеченности и предполагающее три основания (измерения): экономическое, экологическое и социальное. Традиционно основное внимание исследователей сосредоточено на экологической составляющей УР, в то время как его социальные аспекты изучены в меньшей степени. Отражением этого является отсутствие общепринятого подхода к трактовке его социальной составляющей, параметров, индикаторов, драйверов и императивов социального устойчивого развития.

В связи с этим целью данной статьи является определение социальных императивов УР и обоснование повышения их роли в обеспечении устойчивого развития. Реализация поставленной цели потребовала решения следующих задач: *во-первых*, раскрыть содержание социальной составляющей УР, современные подходы к трак-

товке его социальных параметров, индикаторов и драйверов; *во-вторых*, обосновать целесообразность использования понятия «социальные императивы УР» для обозначения большой группы факторов социального характера, которые, с одной стороны, обуславливают необходимость перехода к устойчивому развитию, с другой — отражают социальные изменения и формирующиеся социальные тенденции, исполняющие роль его движущих сил; *в-третьих*, показать роль ключевых социальных императивов в обеспечении перехода к УР, выработке соответствующих стратегий как на глобальном, так и национальном уровне.

Структура статьи, логика изложения соответствуют сформулированным выше задачам. В первом разделе рассматриваются подходы к трактовке социальной составляющей устойчивого развития, его социальных параметров, индикаторов и драйверов; предлагается авторская трактовка социальной составляющей УР. Во втором разделе обосновывается целесообразность использования, наряду с понятием «экологические императивы», понятия «социальные императивы» УР, раскрывается их содержание и роль в обеспечении перехода к устойчивому развитию.

1. Социальная составляющая устойчивого развития

Знакомство с публикациями, в которых затрагивается вопрос о социальной составляющей устойчивого развития, показывает, что авторы используют широкий спектр понятий: «социальное УР», «социальная устойчивость», «социальные компоненты УР», «факторы и условия УР в социальной сфере», «социальные параметры УР», «социальные двигатели (драйверы) УР», «социальные индикаторы УР», «социальные императивы УР». Ряд исследователей справедливо отмечают, что доминирующий в настоящее время чересчур общий, неэкономический подход к трактовке социальной составляющей устойчивого развития делает этот термин крайне уязвимым. Они подчеркивают необходимость конкретизации рассматриваемых понятий и перевода их в практическую плоскость управленческих решений.

Попытку «перевести» общепринятое определение устойчивого развития на «экономический язык» и дать соответствующую интерпретацию понятия «социальное УР» предпринял Э. Майер [Meuer, 2000]. По его мнению, решения и действия, реализуемые сегодня, в том числе и в социальной сфере (например, современные системы социальной защиты, социального страхования), могут привести к негативным внешним интертемпоральным (межвременным) эффектам. Иными словами, решения и действия, реализуемые в настоящее время, способны оказать негативное влияние на будущее поколения. Минимизация и устранение такого рода негативных эффектов являются обязательным условием устойчивого развития. По мнению Майера, развитие является устойчивым в случае отсутствия негативных интертемпоральных эффектов. Социальное УР предполагает отсутствие такого рода эффектов, порождаемых современными системами социальной защиты и способных оказать влияние на воспроизводство человеческого капитала и его качество. Следовательно, эффективность систем социальной защиты населения и социальной политики в целом нужно оценивать не только с позиций решения проблем ныне живущих, но и с точки зрения более долгосрочного их воздействия на воспроизводство человеческого капитала.

В рамках предлагаемого в статье подхода под *социальной составляющей (компонентой) устойчивого развития* понимается развитие, направленное на рост

благополучия, достижение большей социальной справедливости, повышение качества человеческого и социального капитала и отвечающее принципам воспроизводимости, сбалансированности и вовлеченности. Что же касается понятия «социальная устойчивость», то оно характеризует состояние социальной системы общества, ее способность адаптироваться к различного рода воздействиям и изменениям и может рассматриваться как результат УР.

Системный подход к трактовке социальной составляющей УР предполагает ответы на три ключевых вопроса: каковы социальные параметры УР; как оценить (измерить) их динамику; какие социальные явления и процессы следует рассматривать в качестве социальных императивов УР.

В документах ООН и научных публикациях в настоящее время доминирует подход, в соответствии с которым в качестве **социальных параметров** устойчивого развития рассматриваются области и направления деятельности, приоритетность которых определяется его целями.

Одна из первых попыток детализировать социальную составляющую УР была предпринята еще в 1992 г. на Конференции ООН по окружающей среде и развитию [Повестка дня на XXI век..., 1992]. Его социальные параметры, такие как демография, состояние здоровья населения, уровень дифференциации доходов населения, уровень бедности, миграция, были четко сформулированы в 2002 г. в документах Всемирного форума по устойчивому развитию [Йоханнесбургская декларация..., 2002].

По мнению экспертов Института социального развития ООН, к социальным параметрам УР следует относить *уровень материального благополучия, здоровья и образования, доступность благ, необходимых для удовлетворительного существования, социальную защищенность, демократические ценности* [Emerging Issues..., 2013].

О современных подходах к оценке остроты социальных проблем и определению социальных параметров УР можно судить и по Целям устойчивого развития ООН (ЦУР), определенным на период до 2030 г. [Преобразование нашего мира..., 2015]. Из 17 сформулированных целей 9 являются социальными (ликвидация нищеты и голода, доступность здравоохранения, качественное образование, гендерное равенство, достойная работа, снижение неравенства, партнерство и т. д.), достижение остальных (экономических и экологических) будет способствовать реализации социальных целей⁶.

Нетрудно заметить, что обозначенные социальные параметры отражают важнейшие области жизнедеятельности общества, непосредственно связанные с благополучием и социальным равенством, человеческим и социальным капиталом, и соответствующие им совокупности социальных рисков и проблем, без устранения которых достижение устойчивого развития не представляется возможным. Очевидно, что выделение тех или иных социальных параметров УР отражает степень остроты социальных вызовов, рисков и проблем, с которыми сталкиваются мировое сообщество и отдельные государства.

⁶ Цели устойчивого развития ООН, сформулированные в 2015 г., являются преемником «Целей развития на пороге тысячелетия» (ЦРТ, Millennium Development Goals), принятых ООН в 2000 г. на период до 2015 г. [Цели в области развития..., 2001]. Система ЦУР включает 17 целей, 169 задач и 230 индикаторов.

Как известно, к основным *социальным проблемам* глобального характера в настоящее время относят: бедность; необеспеченность значительной части населения планеты базовыми благами и социальными услугами надлежащего качества (водой, продуктами питания, жильем, медицинской помощью); нарастающую дифференциацию в доходах, углубляющееся материальное и социальное неравенство; демографические проблемы; неустойчивость занятости и рост безработицы; углубление межстрановых различий в уровне и качестве жизни населения, качестве человеческого капитала, уровне социального развития.

Глобальные риски в настоящее время являются одной из наиболее обсуждаемых тем на площадках различных мировых форумов. Так, эта тема обсуждается в рамках проведения Всемирного экономического форума (Давос) начиная с 2005 г. В ежегодно публикуемых докладах *Global Risks Report* глобальные риски группируются по пяти категориям — экономические, экологические, геополитические, социальные и технологические — и оцениваются по вероятности возникновения и потенциалу воздействия. В числе наиболее остро стоящих перед мировым сообществом *социальных рисков* названы: растущее неравенство в доходах и социальная поляризация; риски продовольственного и водного кризисов; риски вспышек пандемий; масштабная вынужденная миграция, социальная и политическая нестабильность. В число 13 тенденций, которые могут усилить глобальные риски или изменить соотношение между ними, эксперты ВЭФ включили такие социальные тенденции, как старение населения, прирост среднего класса в странах с формирующейся экономикой, усиление национально ориентированных настроений, усугубляющуюся поляризацию общества, рост числа людей, страдающих хроническими болезнями, растущую географическую мобильность населения, увеличение разницы в доходах между бедными и богатыми, а также усиливающуюся урбанизацию [The Global Risks..., 2017].

Таким образом, выделение в качестве ключевых таких социальных параметров УР, как *благополучие (уровень и качество жизни, уровень бедности), обеспеченность базовыми социальными благами и услугами, материальное и социальное равенство, занятость, качество человеческого и социального капитала*, является вполне обоснованным. Вместе с тем, на наш взгляд, к социальным параметрам УР следует отнести и уровень личной социальной устойчивости, понимаемой как способность отдельного человека адаптироваться к быстро меняющимся условиям жизнедеятельности. Эта способность определяется многими факторами: полом, возрастом, уровнем здоровья и образования, социальным статусом, уровнем доходов и мобильности (территориальной и профессиональной), степенью защищенности от социальных рисков, эффективностью социальных лифтов, стартовыми возможностями. Высокая степень агрегирования социальных параметров делает их универсальными и позволяет адаптировать с учетом специфики той или иной страны, собирать и обобщать большой массив статистической информации.

Проведение мониторинга (измерения, оценки характера и динамики изменений, степени достижения поставленных целей) обозначенных параметров предполагает использование *социальных индикаторов УР*, необходимость разработки которых была отмечена на Конференции ООН по окружающей среде и развитию [Повестка дня на XXI век..., 1992].

В настоящее время многие международные и исследовательские организации (ООН, Всемирный Банк, ОЭСР, Европейская комиссия, Научный комитет по проблемам окружающей среды (SCOPE) и др.) ведут активную работу по разработке

интегральных, экологических и социальных индикаторов УР [Бобылев и др., 2015], ими предложены системы индикаторов для глобального, регионального, национального, локального и отраслевого уровней [Тарасова, Кручина, 2015]. Следует отметить такие разработки, как система индикаторов УР, включающая 132 индикатора (Комиссия ООН по устойчивому развитию); система интегрированных экологических и экономических национальных счетов, предусматривающая учет экологических факторов в национальных счетах (Статистический отдел ООН); показатель «истинных сбережений» (Всемирный банк); система социальных индикаторов (Отдел по устойчивому развитию ООН) [CSD indicators..., 2009]. «Повесткой дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.» предусмотрен мониторинг изменений в направлении достижения ЦУР по 230 экономическим, социальным и экологическим индикаторам [Преобразование нашего мира..., 2015].

Некоторые результаты этой работы были отражены в Глобальном отчете по конкурентоспособности [The Global Competitiveness..., 2013]. К основным социальным индикаторам УР, по мнению авторов отчета, следует отнести: степень доступности благ для удовлетворения базовых потребностей населения (медицинские услуги, водоснабжение и т.д.); степень уязвимости, социальной незащищенности тех или иных социальных групп (подверженность социальным рискам (шокам)), например вследствие потери работы, здоровья, низкого качества социального капитала; уровень дифференциации доходов населения, материального и социального неравенства, социальной мобильности; уровень безработицы.

В связи с измерением социальной устойчивости человека следует обратить внимание на индикаторы, разработанные Всемирным банком и позволяющие оценить: уровень устойчивости населения по отношению к погодно-климатическим аномалиям (стоимостные показатели соответствующих потерь, показатели числа людей, подверженных их влиянию), к изменению цен на товарных рынках, в том числе цен на энергоносители (число граждан, испытывающих проблемы в связи с изменениями цен на товары и услуги во время кризисов); степень доступности базовых благ и услуг (доля населения, не имеющего доступа к чистой питьевой воде, канализации); уровень бедности [Inclusive Green Growth..., 2012].

В России индикаторы УР стали предметом обсуждения относительно недавно. В докладе о реализации принципов устойчивого развития в РФ, подготовленном к саммиту «Рио+20», представлены результаты оценки достижений страны в области социального устойчивого развития, которая проводилась в соответствии с Целями развития тысячелетия по таким параметрам, как ликвидация крайней нищеты и голода; обеспечение всеобщего начального образования; гендерное неравенство; снижение материнской и младенческой смертности; продолжительность жизни. Однако авторы доклада справедливо подчеркивали, что этот перечень не является исчерпывающим и существует множество других подходов [О реализации принципов устойчивого развития..., 2012]. В докладе «Цели устойчивого развития ООН и Россия. Доклад о человеческом развитии в РФ», центральной темой которого стал комплексный анализ и адаптация для России целей и индикаторов УР ООН, принятых на 2016–2030 гг., ставится задача разработки индикаторов, предназначенных для измерения и верификации поставленных целей и задач, применительно к России [Доклад о человеческом развитии..., 2016].

Таким образом, в настоящее время используется достаточно большое количество социальных индикаторов УР. Вопрос о разработке интегрального индикатора остается открытым. Вместе с тем многие эксперты предлагают рассматривать в качестве такого показателя индекс человеческого развития (Human Development Index, ИЧР)⁷. Очевидно, что формирование системы социальных индикаторов УР должно осуществляться в тесной взаимосвязи с определением его социальных параметров и движущих сил, что позволит оценивать не только уровень достижения поставленных целей, но и изменения со стороны его движущих сил (драйверов).

Одним из актуальных направлений исследований в рассматриваемой нами области является выявление движущих сил, или **социальных драйверов** устойчивого развития. Их анализу, в частности, посвящен доклад «Социальные драйверы устойчивого развития», подготовленный экспертами Института социального развития ООН [Emerging Issues..., 2013]. Под **социальными драйверами** УР авторы доклада понимают *социальные структуры и организации* (социальные слои и социальные группы, выделяемые в процессе социальной стратификации; организации); *институты* (формальные и неформальные нормы и правила, регулирующие поведение людей; наличие возможности у отдельных людей и социальных групп принимать самостоятельные решения на основе свободного выбора); *социальные нормы и ценности* (например, соблюдение прав человека и уважение человеческого достоинства, равенство, толерантность, бережное отношение к природе), которые определяют направление и процессы изменений. Авторы доклада подчеркивают также высокую значимость таких драйверов, как социальная политика; социальное воспроизводство и формирование «уходовой» экономики⁸; экономическая политика, направленная на обеспечение занятости населения; реализация принципа солидарной социальной ответственности; обеспечение равенства возможностей и результатов.

Таким образом, речь идет о системе факторов, способствующих формированию институциональной и социальной среды, благоприятной для реализации принципов устойчивого развития, соответствующей системы ценностей. Данный подход к пониманию социальных драйверов УР дает представление о множественности и многообразии явлений и процессов, способных содействовать переходу к устойчивому развитию.

2. Социальные императивы устойчивого развития

Наряду с понятиями «движущие силы» и «драйверы» некоторые исследователи используют понятие «*императивы*» устойчивого развития, в первую очередь применительно к его экологической составляющей.

⁷ Рассчитывается на основе трех субиндексов (индекса долголетия, измеряемого как продолжительность предстоящей жизни при рождении; индекса образования и индекса уровня жизни, измеряемого как ВВП на душу населения по ППС) с 1990 г. в рамках Программы развития ООН и используется более чем в 100 странах мира, в том числе и в России.

⁸ Социальное воспроизводство и «уходовая» экономика — понятия, используемые для обозначения деятельности по уходу за детьми, престарелыми, лицами с ограниченными возможностями, воспитанию и образованию подрастающего поколения, осуществляемой в настоящее время преимущественно в рамках домохозяйств, что приводит к возникновению целого ряда социальных проблем, в частности гендерного неравенства.

Понятие «экологический императив» было введено в середине 1980-х годов академиком Н. Н. Моисеевым. Он трактует экологический императив как *систему ограничений*, нарушение которых может привести к необратимым последствиям для дальнейшего существования как человека, так и всего окружающего мира [Моисеев, 1988, с. 78]. Введение этого термина вызвало широкую дискуссию, участниками которой стали представители различных научных направлений: философии, этики, экономики, экологии. В результате этой дискуссии сформировалось несколько подходов к пониманию его содержания. Общим является представление об экологическом императиве как о *системе ограничений и требований*, соблюдение которых является неременным условием устойчивого развития: преобразование окружающей среды в соответствии с ее адаптационными возможностями; отказ от любых действий, которые могут подорвать жизнь будущих поколений; осознание степени ответственности перед потомками при принятии решений, касающихся здоровья и состояния окружающей среды.

В отличие от экологического императива УР, социальные императивы не стали предметом фундаментальных исследований и не получили четкой общепризнанной трактовки. Вместе с тем понятие «социальные императивы» встречается в некоторых документах, в частности в Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2020 г. По мнению авторов стратегии, социальный императив заключается в необходимости развития и эффективного использования человеческого капитала [Национальная стратегия..., 2004].

Целесообразность введения в научный оборот понятия «социальные императивы УР» обусловлена множественностью факторов и неоднозначным характером их воздействия на процесс устойчивого развития. Речь идет о явлениях, процессах, формирующихся тенденциях социального характера, которые обуславливают, с одной стороны, *необходимость перехода к устойчивому развитию* (т. е. речь идет о формирующихся требованиях и ограничениях), а с другой стороны — *возможность реализации его базовых принципов* (движущие силы УР). Термин «социальные императивы» следует рассматривать как обобщающее понятие, отражающее представление о большом числе факторов, требований и ограничений, определяющих устойчивое развитие, имеющих социальный (социальные проблемы и изменения, формирующиеся социальные риски и тенденции, социальные институты) и фундаментальный (т. е. всеобщий, долговременный) характер.

К *первой группе факторов* социального характера, отражающих формирующиеся требования и ограничения и определяющих *необходимость* реализации принципов устойчивого развития, прежде всего следует отнести *социальные вызовы и риски*: демографические (прогнозируемое снижение темпов прироста трудоспособного населения до нулевых показателей к 2030 г., процесс старения населения); риски обострения проблем занятости (прогнозируемое массовое высвобождение занятых в связи с внедрением современных технологий, распространение форм негарантированной и нестабильной занятости); риски усиления дифференциации в доходах населения (в том числе и межстрановой), роста материального и социального неравенства; риски усиления межстранового неравенства в возможностях воспроизводства и повышения качества человеческого капитала и, как следствие, риски снижения его качества, социальной и политической нестабильности, роста экономической миграции. Нарастание миграционных потоков в наиболее благопо-

лучные с социально-экономической точки зрения европейские страны неизбежно приведет к снижению возможностей национальных государств не только увеличивать социальные расходы, но и направлять их на развитие социальной сферы и решение социальных проблем граждан этих стран, формирование эффективной социальной политики. Если эта проблема примет долговременный характер, то возможности воспроизводства и повышения качества человеческого капитала даже самых благополучных государств снизятся; в худшем случае их ожидает социальный дефолт.

Социальное неравенство многоаспектно и не может быть сведено лишь к неравенству доходов (что вполне естественно для рыночной экономики). Более того, неравенство, базирующееся на меритократических факторах (уровень образования, интенсивность труда, более высокая занятость, уровень ответственности), воспринимается в обществе как справедливое и оправданное. Вместе с тем отсутствие равного доступа к качественным социальным благам и услугам, неравные стартовые возможности, высокий уровень бедности на фоне расточительного, избыточного потребления создают серьезные ограничения для устойчивого развития. Неравенство формирует не только риски социальной и политической нестабильности, но и риски деградации человеческого и социального капитала, и, как следствие, снижения темпов роста. Жизнь на грани выживания не позволяет задумываться о проблемах здоровья, экологии, рационального отношения к ресурсам и ответственного потребления.

По данным исследования, проведенного по инициативе ОЭСР в 34 странах в начале 2000-х годов, разрыв между бедными и богатыми в этих странах достиг самого высокого уровня за предшествующие 30 лет. Полученные результаты позволили сделать вывод о том, что социальное расслоение серьезно замедляет экономический рост и развитие. Так, в Великобритании в период с 1990 по 2010 г. растущее неравенство затормозило экономический рост на 9 процентных пункта, в США почти на 7 процентных пункта. Эти данные заставили усомниться в корректности утверждения, что стимулирование экономического роста и сокращение неравенства — взаимоисключающие цели экономической политики [ОЭСР..., 2014].

Для России проблема социального неравенства имеет особую актуальность. Несмотря на некоторые положительные изменения, неравенство продолжает нарастать. В 2016 г. соотношение доходов 10 % наиболее обеспеченных жителей России и 10 % наименее обеспеченных составило 16 : 1. На долю 10 % самых обеспеченных граждан России приходится 45 % совокупного дохода, а на долю 1 % обеспеченных — 20 % совокупного дохода. 22 млн человек (15 % населения) имеют доходы ниже прожиточного минимума, т. е. могут быть отнесены к категории «бедные». Субъективная бедность, по оценкам, превышает эти показатели в 2 раза [Есть такое слово..., 2016].

Указанные риски (в первую очередь нарастающее неравенство возможностей воспроизводства и повышения качества человеческого капитала на фоне роста его роли в обеспечении экономического развития) формируют ограничения реализации принципов УР, прежде всего принципа воспроизводимости. Следовательно, минимизацию этих рисков, снижение уровня социального неравенства можно рассматривать в качестве одного из важнейших требований (социальных императивов) УР, а сохранение высокого уровня неравенства — как фактор неустойчивости. В докладе ПРООН подчеркивается, что устойчивое развитие неразрывно связано

с обеспечением равных возможностей и большей социальной справедливости [Доклад о человеческом развитии..., 2011].

Ко **второй группе факторов** следует отнести *социальные изменения и формирующиеся социальные тенденции*, исполняющие роль *движущих сил, социальных драйверов* устойчивого развития. Очевидно, что в рамках одной статьи не представляется возможным рассмотреть все многообразие социальных изменений и тенденций, обуславливающих возможность реализации его принципов. Исходя из предлагаемой в данной работе трактовки социальных императивов УР, критериев их определения, оценки роли тех или иных процессов и явлений в обеспечении устойчивого развития, в качестве его ключевых социальных драйверов мы рассматриваем:

- формирование социально ответственного мышления у субъектов хозяйственной деятельности (государства, бизнес-организаций, домохозяйств, индивидов), системы ценностей, релевантных целям и принципам УР;
- институционализацию корпоративной социальной ответственности (КСО); расширение числа бизнес-организаций, следующих в своей деятельности принципам КСО и устойчивого развития;
- развитие феномена ответственного (устойчивого) потребления;
- переход к новой модели социальной политики;
- повышение роли университетов и бизнес-школ в формировании социально ответственного мышления, продвижении принципов социальной ответственности и устойчивого развития, в обучении ответственному управлению.

Важно отметить, что предлагаемый перечень процессов и явлений, способных играть роль социальных драйверов устойчивого развития, представляет собой систему взаимосвязанных изменений, отражающих процесс повышения социальной ответственности всех участников хозяйственной деятельности: государства, бизнеса, граждан, общества в целом.

Таким образом, речь идет об изменениях и формирующихся тенденциях, свидетельствующих о переосмыслении *целей* экономической деятельности и основополагающих *принципов* развития, о формировании иной системы *ценностей* и *институтов*, а также *запроса* со стороны общества на повышение качества жизни и создание условий благоприятных для развития человека, достижение большей социальной справедливости. Устойчивое развитие предполагает трансформацию мышления, отказ от ценностей и институтов, которые поощряют и стимулируют нацеленность на достижение краткосрочной выгоды, нерациональное использование ресурсов, расточительное потребление и неравенство, и, по своей сути, являются факторами неустойчивости. Очевидно, что существуют страновые, социально-экономические и прочие особенности, оказывающие влияние на интенсивность проявления указанных тенденций, однако есть и общие основания для их формирования: рост образованности, информированности и сознательности общества. Современные люди, живущие в эпоху бурного развития информационных технологий, лучше образованы, более информированы, имеют широкие возможности для коммуникаций. Все большее число людей, организаций и правительств осознают риски, вызванные игнорированием принципов устойчивого развития, готовы

брать на себя ответственность за принимаемые решения и результаты деятельности.

Формирование социально ответственного мышления, системы ценностей, релевантных целям и принципам устойчивого развития следует рассматривать, на наш взгляд, в качестве важнейшей его движущей силы. Очевидно, что данный процесс должен затронуть всех участников хозяйственной деятельности, но особенно важно, чтобы трансформация мышления, его своеобразная «перезагрузка» произошла в бизнес-сообществе. Нельзя не согласиться с академиком И. И. Моисеевым, который подчеркивал, что сохранение живой природы — условие совершенно необходимое, но недостаточное. Ситуация гораздо серьезнее. Проблема устойчивого развития — это проблема формирования новой цивилизации и нового мышления [Моисеев, 1988].

В одной из работ, опубликованных ранее, мы показали различия между социально ответственным и традиционным, экономическим образом мышления [Канаева, 2010]. На наш взгляд, в первую очередь они касаются трактовки двух базовых принципов принятия решений — *принципов рациональности и эффективности*, а также *целей* функционирования бизнес-организаций. Экономический образ мышления в его неоклассической трактовке предполагает осуществление потребительского выбора, принятие решений, в том числе и бизнес-решений, на основе принципа экономической рациональности, в соответствии с которым поведение субъекта хозяйственной деятельности, направленное на минимизацию затрат и максимизацию экономической выгоды, рассматривается как рациональное. Следование данному принципу заставляет мыслить в категориях предельных издержек и предельных выгод, минимизации затрат и максимизации краткосрочной прибыли. В условиях так называемого «квартального капитализма» основной задачей менеджеров становится рост благосостояния собственников и акционерного капитала [Бартон, 2011].

Нацеленность на достижение краткосрочных результатов проявляется и в сокращении срока владения акциями. Так, например, в США в 1940-е годы он составлял примерно 12 лет, в 1960 — около 8 лет, сейчас менее одного года. Еще только вкладывая деньги в проект, многие инвесторы уже держат в голове так называемую «стратегию ухода» [Макки, Сисодиа, 2015, с. 119]. Однако реализация принципов устойчивого развития, социально ответственных стратегий предполагает долгосрочный характер сотрудничества инвесторов и компаний.

В отличие от экономического образа мышления социально ответственное мышление должно базироваться на *принципе взаимной (солидарной) ответственности*. Реализация данного принципа предполагает повышение ответственности всех субъектов хозяйственной деятельности (государства, бизнеса, домохозяйств) за принимаемые решения и результаты деятельности, ответственное управление, вовлеченность (учет запросов) заинтересованных сторон, формирование иной системы ценностей. Следование данному принципу побуждает участников хозяйственной деятельности мыслить в категориях экономической, социальной и экологической ответственности, социальных инвестиций и социально ответственного потребления и инвестирования, в терминах общих ценностей и устойчивого развития. В рамках рассматриваемого подхода решения, принимаемые участниками

хозяйственной деятельности, осуществляемые ими выбор и действия могут быть признаны рациональными в том случае, если они не противоречат запросам широкого круга заинтересованных сторон, общим ценностям, способствуют достижению не только экономического, но и социального и экологического эффектов.

Социально ответственное мышление предполагает также отказ от ценностно нейтральной концепции эффективности, в соответствии с которой при оценке эффективности деятельности компании не учитываются этические, экологические и социальные критерии эффективности и результаты деятельности и переход к *ценностно ориентированной концепции эффективности*. Сторонники последней полагают, что при оценке эффективности следует исходить из более широкого перечня критериев, например таких, как удовлетворение запросов заинтересованных сторон, рост их благосостояния, создание общих ценностей, расширение возможностей достижения целей устойчивого развития, минимизация внешних отрицательных эффектов.

О необходимости переосмысления целей бизнеса размышляют известные американские предприниматели, авторы книги «Сознательный капитализм». По их мнению, утверждение о том, что максимизация доходов — единственная возможная цель бизнес-организации, нанесло репутации бизнеса огромный ущерб. Цели предпринимательской деятельности должны заключаться в создании общих ценностей, улучшении жизни людей. Прибыль лишь средство достижения этих целей [Макки, Сисодиа, 2015, с. 40]. Трансформация «доминирующего мировоззрения» (*dominant worldviews*), формирование «нового мышления для новой реальности», переосмысление целей и ответственности бизнеса рассматриваются авторами доклада ООН, подготовленного по случаю 15-й годовщины Глобального договора ООН, как важнейшие условия и драйверы устойчивого развития [Трансформируя бизнес, изменяя мир..., 2015].

Исследования, проводимые как за рубежом, так и в России, направленные на выявление факторов, способствующих повышению ответственности компаний, инвесторов, потребителей, их заинтересованности в следовании принципам устойчивого развития, показывают, что особую роль среди них играет фактор *осознания* руководством и персоналом компаний, инвесторами и потребителями остроты экологических и социальных рисков и проблем, рисков игнорирования принципов социальной ответственности и устойчивого развития, а также возможных выгод от их реализации. Опыт иностранных и российских компаний, наиболее последовательно реализующих эти принципы, также указывает на положительную корреляцию между ценностями и установками, которых придерживается руководство компании, и степенью ее социальной ответственности, уровнем заинтересованности в реализации принципов устойчивого развития. Исследование этического потребления в России, проведенное в НИУ ВШЭ, также выявило, что личные ценности, ориентации и установки индивидуумов оказывают заметное влияние на их включенность в этическое потребление [Шабанова, 2015].

Наблюдаемые в последние годы рост числа компаний, следующих в своей деятельности принципам КСО и УР, расширение рынка социально ответственных инвестиций, увеличение числа людей, вовлеченных в этическое (социально ответственное, устойчивое) потребление, в том числе и в России, свидетельствуют о тенденции формирования социально ответственного мышления и поведения участников

хозяйственной деятельности. Следствием этого, в свою очередь, становится запрос общества на реализацию принципов социальной ответственности и устойчивого развития.

Результаты опросов руководителей глобальных компаний, приведенные в докладе ООН, показали растущую заинтересованность корпораций во включении в процесс достижения ЦУР, в интеграции указанных целей в корпоративную деятельность и стратегию. Наивысший рейтинг получили три ЦУР: климатическая (63 % респондентов); устойчивый рост и полная занятость (52 % респондентов); ответственное потребление и производство (51 % респондентов). Среди ключевых направлений деятельности бизнеса по достижению ЦУР эксперты называют широкое распространение принципов и стандартов ответственного ведения бизнеса [Трансформируя бизнес, изменяя мир..., 2015].

Изменение поведения бизнес-организаций в указанном направлении происходит под влиянием не только формирующегося запроса со стороны общества, но и быстро меняющейся внутренней и внешней среды ведения бизнеса, в том числе институциональной. Наметившаяся тенденция социализации, гуманизации и экологизации бизнеса, повышения его социальной ответственности свидетельствует о формировании иных ценностей, норм и правил, иной системы стимулов и ограничений, регулирующих поведение субъектов хозяйственной деятельности и определяющих характер принимаемых ими решений, т. е. о *процессе институционализации КСО*.

Следствием этого процесса должно стать замещение институтов, образующих институциональную среду современной экономики, системой социально-экономических институтов, релевантных экономической модели, базирующейся на принципах ответственности и устойчивого развития. Так, в итоговом документе Конференции ООН «Рио+20» было подчеркнуто, что одним из способов достижения ЦУР является создание институциональной базы устойчивого развития.

Особое место в указанной системе институтов занимает *институт корпоративной социальной ответственности*, который можно определить как относительно устойчивые (по отношению к изменению интересов и/или поведения субъектов), формализованные и неформализованные нормы и правила, определяющие характер решений, принимаемых бизнес-организациями, накладывающие определенные ограничения на их деятельность, а также регулирующие взаимодействие компаний с заинтересованными сторонами и обществом в целом. В качестве базовых институциональных норм мы рассматриваем принципы КСО [Канаева, 2013, с. 213–214]. В свою очередь, процесс *институционализации КСО* можно трактовать как процесс формирования и закрепления релевантных норм, правил и ограничений, обретения ими устойчивости, встраивание института КСО в институциональную среду новой экономической модели.

Корпоративная социальная ответственность, как социально-экономический институт, обладает всеми отличительными признаками и атрибутами института, к важнейшим из которых можно отнести наличие *специфических функций*. Их анализ позволяет раскрыть роль данного института в обеспечении устойчивого развития. Следует назвать такие функции, как:

- формирование системы ценностей, принципов и правил, требований и ограничений, которыми должны руководствоваться компании в своей

- деятельности, и модели поведения бизнес-организации, адекватной принципам социальной ответственности и устойчивого развития, соответствующего механизма взаимодействия бизнеса и общества;
- регулирование поведения экономических агентов, координация их взаимодействия; согласование корпоративных стратегий, запросов заинтересованных сторон и интересов общества;
 - перераспределение выгод и издержек (введение тех или иных ограничений, с одной стороны, сужает возможности компаний, повышает издержки, связанные с социально безответственным поведением, с другой стороны, делает необходимым переключение средств на поиск инноваций, эффект от внедрения которых может компенсировать возможные потери от ограничений);
 - повышение прогнозируемости поведения субъектов хозяйственной деятельности, заинтересованных сторон;
 - содействие снижению экономических, экологических и социальных рисков;
 - обеспечение сбалансированности интересов компании и ее стейкхолдеров, краткосрочных интересов компании и долгосрочных интересов общества, сбалансированности экономической, экологической и социальной составляющих деятельности компании;
 - содействие повышению качества человеческого и социального капитала.

Нетрудно заметить, что указанные функции способствуют реализации ключевых принципов устойчивого развития — принципов воспроизводимости, сбалансированности и вовлеченности, о которых шла речь выше. Последнее достигается благодаря тому, что деятельность бизнес-организаций, основанная на принципах КСО (прежде всего в рамках стратегической модели КСО), предполагает их интеграцию в основную деятельность компании, формирование и реализацию социальной и экологических корпоративных политик, выстраивание корпоративной стратегии с учетом выявленных запросов заинтересованных сторон и формирующихся социальных тенденций, вовлечение широкого круга заинтересованных сторон в корпоративную социальную деятельность.

Номинальными носителями института КСО выступают бизнес-организации (корпорации, компании среднего и малого бизнеса), профессиональные и отраслевые ассоциации менеджеров (например, Ассоциация менеджеров России) и предпринимателей (например, Российский союз промышленников и предпринимателей), некоммерческие организации. Несмотря на рост числа компаний, позиционирующих себя как социально ответственные, фактически носителем института КСО в России в настоящее время является лишь небольшая часть бизнес-организаций, в первую очередь это крупные компании с международным участием⁹.

⁹ В Национальный регистр нефинансовых отчетов РСПП по состоянию на 30 октября 2017 г. внесены 165 компаний, опубликовавших с 2000 г. по 2017 г. 797 нефинансовых отчетов. В их число входят как российские, так и международные компании, осуществляющие свою деятельность в РФ. Число российских компаний, зарегистрировавших в Регистре более одного нефинансового отчета в рассматриваемый период, составило 111 (67 % от общего числа компаний, опубликовавших отчеты). Ими подготовлено 676 отчетов (85 % от общего числа нефинансовых отчетов). Основным видом отчета продолжают оставаться социальные отчеты компаний (СО, КСО) (327 отчетов — 1 % от общего числа), по УР (265 — 33 %), быстрыми темпами растет число интегрированных отчетов (ИО)

Соответствующие институциональные нормы и правила носят в основном неформализованный характер и существуют в виде добровольных обязательств компании следовать нормам и моделям поведения, которые рассматриваются обществом как «положительные», «социально ответственные», «достойные подражания», «отвечающие ожиданиям заинтересованных сторон», а также осуществлять деятельность в рамках добровольно принимаемых на себя ограничений. Однако все более очевидна тенденция формализации этих обязательств и ограничений, закрепляемых в нормативных документах различного уровня (корпоративного, отраслевого, национального, международного) [Национальный стандарт Российской Федерации..., 2012]. Формализация норм и правил, образующих институт КСО, реализация компаниями стратегического подхода к КСО способствуют повышению устойчивости этих норм.

Очевидно, что процесс институционализации КСО не завершен, в связи с чем данный социально-экономический институт можно охарактеризовать как формирующийся. В качестве основных признаков завершения этого процесса следует рассматривать: выработку системы общепринятых корпоративных норм и ценностей, базирующихся на принципах КСО; повышение роли компаний как социального института; закрепление релевантных КСО норм и ограничений в сознании, практической деятельности, политиках и стратегиях, обретение ими устойчивости.

Исключительно важную роль в содействии устойчивому развитию играет **феномен ответственного (устойчивого) потребления**. Не случайно такая цель, как «устойчивое потребление и производство», включена в 17 ЦУР ООН [Преобразование нашего мира..., 2015]. В международных документах, публикациях зарубежных и отечественных исследователей для характеристики этого относительного нового явления, наряду с указанным понятием, используются также понятия: «ответственное потребление», «сознательное потребление», «зеленое потребление», «устойчивое (неустойчивое) потребление», «этичное потребление» [Ежегодный доклад ЮНЕП..., 2016; Шабанова, 2015, с. 79–103].

Понятие «ответственное потребление» применительно к корпорациям было предложено американским исследователем Дж. Фиксом в 1973 г. По его мнению, ответственное потребление предполагает рациональное и эффективное использование ресурсов не только в национальном, но и в глобальном масштабе [Fisk, 1973]. В 1994 г. на конференции по устойчивому развитию в г. Осло было предложено следующее определение устойчивого потребления: использование услуг и товаров, которые отвечают основным потребностям и улучшают качество жизни при уменьшении использования природных ресурсов и токсичных материалов, а также уменьшении отходов и загрязнения окружающей среды, так чтобы не подвергать опасности нужды будущих поколений. В более поздних зарубежных исследованиях внимание смещается в сторону изучения поведения потребителей [Antil, 1984, p. 18–39; Ozcaglar-Toulouse, 2005, p. 52].

Постепенно формируется представление об ответственном потреблении как «совокупности добровольно выполняемых действий в сфере потребления, связанных с осознанием возможных негативных последствий потребления как для внешне-

(134 — 17%), в то время как доля экологических отчетов (ЭО) сокращается (71,9%) (См. информацию на сайте РСПП, раздел «Социальная ответственность». URL: <http://pcpp.pf/simplepage/157> (дата обращения: 01.11.2017)).

го мира, так и для потребителя» [Ozcaglar-Toulouse, 2005, p.52]. Социально ответственный потребитель определяется как потребитель, который при приобретении, использовании и распоряжении благами руководствуется стремлением минимизировать или устранить любые вредные эффекты и максимизировать положительное воздействие на общество и экологию [Webster, 1975; Roberts, 1995; Mohr et al., 2001; Ha-Brookshire, Hodges, 2009].

Современная наука убедительно показала, что неограниченный рост потребления и, как следствие, растущий «экологический след»¹⁰, несовместимы с выживанием человечества.

По оценкам экспертов, население мира увеличится к 2040 г. с 7 до 9 млрд человек, в то же время спрос на ресурсы будет повышаться в геометрической прогрессии. К 2030 г. потребность населения в продовольствии увеличится не менее чем на 50 %, в энергии — на 45 %, а в водных ресурсах — на 30 %, и все это будет происходить в условиях, когда пороговые показатели состояния окружающей среды налагают новые ограничения на экономический рост [Преобразование нашего мира..., 2015].

В связи с этим все более широкую поддержку получает утверждение о том, что модель потребления, типичная для большинства стран мира, и по характеру потребления (расточительное, избыточное, агрессивное), и по его структуре (внутри- и межстрановое неравенство в доступности благ, в том числе базовых) противоречит принципам устойчивого развития. Следовательно, формирование модели потребления (системы ценностей и предпочтений потребителей, определяющих их потребительский выбор и, соответственно, способы и структуру потребления), адекватной целям и принципам УР, может рассматриваться в качестве одного из его ключевых драйверов. На необходимость изменения характера, способов и структуры потребления указывалось в документах Саммита ООН (Йоханнесбург, 2002), Стратегии устойчивого развития Евросоюза, документах саммита «Рио+20» (2012), Ежегодном докладе ЮНЕП (Программа ООН по окружающей среде, 2015), Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030. Трансформация модели потребления предполагает:

- осознание экологических, социальных и экономических последствий решений, принимаемых в процессе потребления;
- стремление к устранению или минимизации любых вредных эффектов, с которыми сопряжено потребление тех или иных товаров и максимизации любых полезных, позитивных воздействий;
- учет запросов заинтересованных сторон и общества в целом при принятии соответствующих решений;
- готовность брать на себя определенные обязательства и следовать определенным ограничениям.

Социально ответственный потребитель при осуществлении потребительского выбора руководствуется целым рядом дополнительных параметров, таких как: качество продукции и ее влияние на здоровье; безопасность продукции для

¹⁰ Экологический след — понятие, предложенное в 1996 г. группой ученых для сравнительной оценки экологических последствий поддержания привычного уровня потребления в тех или иных странах мира.

окружающей среды на всех стадиях жизненного цикла продукции; срок службы изделия и способ утилизации по окончании срока службы; регион производства и расстояние, на которое перевозится продукция; репутация компании-производителя и компании — продавца товара; уровень их социальной ответственности. Осознание потребителями, с одной стороны, возможных негативных последствий реализации сложившейся модели потребления и, с другой стороны, возможности минимизировать эти последствия, оказывать влияние на компании, содействовать усилению позитивных эффектов приводит к формированию запроса со стороны потребителей к компаниям следовать в своей деятельности принципам социальной ответственности и устойчивого развития.

Данные многочисленных зарубежных исследований подтверждают, что ответственность потребителей повышается, пусть и не так быстро, как хотелось бы. Рост уровня образованности, информированности потребителей, требований к качеству жизни, стремление вести здоровый образ жизни, расширение каналов влияния на компании, формирование соответствующей институциональной среды и инфраструктуры способствуют формированию феномена социально ответственного потребления, в том числе и в России.

По результатам исследований, проводимых в США и Европе, значимость перехода к ответственному (этичному) потреблению признают более половины потребителей, около 30 % совершают покупки с учетом соответствующих параметров и факторов. В России на концептуальном уровне феномен ответственного потребления только начинает осмысливаться. Проведены первые исследования, направленные на выявление факторов, особенностей и проблем формирования этого феномена [Шабанова, 2015]. Результаты исследований, проведенных в России, свидетельствуют о том, что для россиян в целом в той или иной степени характерны определенные аспекты и формы проявления ответственного потребления: 30 % россиян уже в той или иной форме демонстрировали приверженность этичному потреблению, 53 % готовы отказаться от приобретения товара в случае получения информации о нарушении этических норм при его производстве. Лишь 17 % потребителей могут быть отнесены к группе индифферентных потребителей, не планирующих менять свои потребительские предпочтения [Шабанова, 2015, с. 87].

В уже упоминавшемся нами докладе «Социальные драйверы устойчивого развития», подготовленном экспертами Института социального развития ООН [Emerging Issues..., 2013], среди ключевых драйверов УР называется **социальная политика**. Данный тезис, на первый взгляд, не требует специального обоснования, поскольку политика, направленная на минимизацию социальных рисков и решение социальных проблем общества, содействует обеспечению социальной устойчивости и устойчивому развитию.

Вместе с тем рассматривать социальную политику в качестве движущей силы УР можно лишь в том случае, если она способствует реализации его ключевых принципов. Речь идет в первую очередь о воспроизводимости и повышении качества человеческого и социального капитала общества; формировании условий, благоприятных для развития человека; сбалансированности интересов различных социальных групп и слоев общества, нынешних и будущих поколений; а также о вовлеченности (повышении ответственности) всех сторон, заинтересованных в минимизации социальных рисков и решении релевантных проблем. Реализация

указанных принципов возможна в рамках многосубъектной и солидарной модели социальной политики, которая способна по своим принципам, целям и содержанию соответствовать современным вызовам и рискам [Бляхман, 2012; Канаева, 2014а; Канаева, 2014б].

В качестве одного из основополагающих принципов этой модели следует назвать *принцип солидарной ответственности всех сторон*, заинтересованных в социальном развитии: государства, региональных органов власти, компаний и организаций, граждан.

Идея солидарной (разделяемой всеми) ответственности за позитивные социальные изменения (в области прав человека и прав детей, гендерного равенства, здравоохранения, образования, занятости и условий труда, социальной защиты и борьбы с коррупцией) проходит красной нитью в итоговых документах Корпоративного форума по устойчивому развитию «Рио+20». При этом подчеркивается, что роль компаний как социального института должна возрасти: компании могут и должны в партнерстве с другими ЗС изыскивать возможности для внесения вклада в устойчивое развитие посредством основной деятельности, инноваций, социальных инвестиций и разработки публичных политик [Корпоративный форум по устойчивому развитию..., 2012].

Следование данному принципу предполагает трактовку социальной политики как формы проявления социальной ответственности каждой из сторон; распределение бремени социальных обязательств и соответствующих расходов между всеми субъектами социальной политики; повышение социальной ответственности компаний и организаций, граждан за решение социальных проблем, с которыми они сталкиваются в процессе своей жизнедеятельности (например, за осуществление частных инвестиций в человеческий капитал).

Острота социальных проблем как глобального, так и национального уровня, необходимость перехода к инновационному типу экономического развития и обеспечения социальной устойчивости позволяют рассматривать в качестве стратегических целей социальной политики развитие человека, накопление человеческого капитала, обеспечение большей социальной справедливости. Их достижение предполагает решение целого комплекса задач, приоритетность которых определяется многими факторами и условиями (уровнем и особенностями социально экономического развития, уровнем и качеством жизни населения страны, остротой тех или иных социальных проблем, ресурсными возможностями и т. д.). С учетом российских особенностей к важнейшим из них следует отнести:

- стабилизацию и увеличение численности населения, рост рождаемости и снижение смертности;
- формирование эффективной системы здравоохранения и обеспечение равного доступа к качественной, современной медицинской помощи;
- преодоление бедности и повышение уровня и качества жизни населения;
- снижение уровня социального неравенства, обеспечение равного доступа к социальным благам и услугам высокого качества, равных стартовых возможностей;
- повышение эффективности системы образования и качества образования;
- формирование комфортных условий проживания;

- разработку механизмов выявления, мониторинга и оценки социальных рисков и проблем; создание эффективной системы защиты от социальных рисков;
- повышение адаптивности человека к стремительно меняющимся условиям и социальным рискам, обеспечение его экономической и социальной устойчивости;
- создание благоприятной социальной среды, что предполагает социальную стабильность, высокий уровень доверия в обществе, развитую систему формальных и неформальных норм и правил, регулирующих взаимодействие общественных групп, формирование общепринятой системы ценностей и целевых установок.

Перечисленные выше задачи находятся в зоне ответственности государства и иных субъектов социальной политики, формируют ее предмет и основные направления. Деятельность государства, бизнес-организаций, институтов гражданского общества по их реализации может рассматриваться как деятельность, ориентированная на обеспечение устойчивого развития.

Одним из ключевых условий реализации принципов УР и достижения его целей становится осознание того, что переход к устойчивому развитию — это объективный процесс, обусловленный многими факторами, ответ на экономические, экологические и социальные вызовы и риски, формирующиеся как на глобальном, так и национальном уровне. Признание объективной обусловленности процесса повышения социальной ответственности участников хозяйственной деятельности, перехода к устойчивому развитию и, как следствие, неизбежного пересмотра основополагающих принципов потребления, ведения бизнеса и менеджмента подчеркивает значимость доведения идей и принципов УР до самой широкой аудитории обучающихся на всех уровнях системы образования. Особое внимание должно быть уделено такой целевой аудитории, как обучающиеся по программам высшего профессионального образования (ВПО) экономического и управленческого направлений. В связи с этим *повышение роли университетов и бизнес-школ в формировании социально ответственного мышления, продвижении принципов КСО и УР, обучении ответственному управлению должны рассматриваться в качестве одного из ключевых драйверов устойчивого развития.*

Решение указанной задачи возможно посредством интеграции проблематики КСО и УР в соответствующие образовательные программы и учебные дисциплины, реализации специализированных образовательных программ [Благов, 2010; Канаева, 2012]. В качестве одного из аргументов, которые подтверждают актуальность преподавания дисциплин, отражающих проблематику устойчивого развития, реализации специализированных программ, направленных на подготовку специалистов в рассматриваемых областях, можно привести успешный опыт многих зарубежных университетов и бизнес-школ.

В 2007 г. ООН выступила с инициативой в рамках Глобального договора ООН создать глобальную сеть университетов и бизнес-школ, поддерживающих Принципы обучения ответственному управлению (Principles for Responsible Management Education, PRME). В этих целях были сформулированы *шесть принципов*, предусматривающих интеграцию проблематики КСО и УР в университетские образовательные програм-

мы экономического и управленческого направлений, продвижение релевантных идей и принципов, поддержку исследований в указанных областях [Principles for Responsible Management Education..., 2007]. Миссия PRME заключается в содействии подготовке ответственных лидеров бизнеса, руководствующихся в своей деятельности принципами КСО и УР. В настоящее время данную инициативу поддержали более 500 бизнес-школ и образовательных учреждений из 80 стран мира, обучающихся экономике, финансам, менеджменту.

В России курсы, предметом которых является проблематика, ассоциируемая с этикой бизнеса, корпоративной социальной ответственностью и устойчивым развитием, стали включаться в учебные планы и образовательные программы экономического и управленческого направлений относительно недавно. Вместе с тем в ряде российских вузов успешно реализуются специализированные образовательные программы, сформировались центры исследования проблем КСО и УР, накоплен определенный опыт преподавания соответствующих дисциплин. Среди них, прежде всего следует назвать институт СПбГУ «Высшая школа менеджмента», Финансовый университет при Правительстве РФ, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, экономический факультет СПбГУ. Первым российским университетом, поддержавшим PRME, стала РАНХиГС при Президенте РФ. В настоящее время российская сеть включает 5 бизнес-школ. На решение рассматриваемой задачи направлены и инициативы Национальной сети Глобального договора ООН, Поручения Президента РФ.

На общем собрании участников российской сети глобального договора ООН, состоявшемся в декабре 2016 г., было принято решение о начале реализации в 2017 г. 4 долгосрочных программ. Одна из них предусматривает реализацию просветительско-образовательных проектов в области КСО и УР, таких как формирование профессиональных стандартов подготовки специалистов в указанной области, разработка соответствующих учебных программ [Документы общего собрания..., 2016].

Среди поручений, сформулированных Президентом РФ В. Путиным по итогам заседания Государственного совета по вопросу «Об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений», состоявшегося 27 декабря 2016 г., в связи с постановкой цели перехода России к модели экологически устойчивого развития, дано поручение о включении в федеральные государственные образовательные стандарты требований к освоению базовых знаний в области охраны окружающей среды и устойчивого развития, в том числе с учетом Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

Формирование социально ответственного, «устойчивого» мышления у студентов, экономистов и менеджеров — процесс длительный, требующий комплексного подхода, объединения усилий преподавателей общетеоретических, функциональных и отраслевых экономических дисциплин, так как речь идет об изменении дискурса и формировании иного мейнстриминга в преподавании экономических и управленческих дисциплин.

Заключение

Анализ публикаций по проблематике устойчивого развития позволяет сделать вывод о существовании весьма широкого спектра подходов к трактовке сути этого явления и содержания соответствующего понятия, что свидетельствует об отсутствии общепринятой интегральной концепции. Вместе с тем в ходе острых научных дискуссий была осознана объективная обусловленность перехода к устойчивому развитию, сформировались многоуровневый и триединый подходы к его трактовке. Триединый подход, в основе которого лежит представление о трех его основаниях (трех измерениях) (экономическом, экологическом и социальном), на наш взгляд, следует рассматривать в качестве важнейшей методологической основы исследования проблем устойчивого развития.

Традиционно основное внимание исследователей направлено на экологическую и экономическую составляющие устойчивого развития, в то время как его социальные аспекты изучены в меньшей степени. Отражением этого является отсутствие общепринятого подхода к трактовке социальной составляющей устойчивого развития, его параметров и индикаторов.

В соответствии с целью, поставленной автором, были сформулированы и решены следующие задачи: предложен авторский подход к трактовке социальной составляющей УР; обоснована целесообразность введения в научный оборот понятия «социальные императивы УР», определено его содержание; показана роль ключевых социальных императивов в обеспечении перехода к устойчивому развитию, формировании стратегий УР как на глобальном, так и национальном уровне.

В рамках предлагаемого в статье подхода под социальной составляющей (компонентой) УР понимается развитие, направленное на рост благосостояния, достижение большей социальной справедливости, повышение качества человеческого и социального капитала и отвечающее принципам воспроизводимости, сбалансированности и вовлеченности.

Целесообразность введения в научный оборот понятия «социальные императивы УР» обусловлена наличием множества факторов и неоднозначным характером их воздействия на процесс устойчивого развития. Речь идет о явлениях и процессах социального характера, формирующих риски, тенденциях и институтах, которые обуславливают, с одной стороны, необходимость перехода к устойчивому развитию, с другой стороны — возможность реализации его базовых принципов. Можно выделить две группы факторов, играющих роль социальных императивов УР. К первой группе факторов, определяющих необходимость перехода к устойчивому развитию, следует отнести социальные вызовы и риски, формирующие соответствующие ограничения и требования; ко второй группе — социальные изменения и тенденции, играющие роль его движущих сил (драйверов УР).

В настоящей работе внимание акцентировано на изменениях, имеющих системный характер и отражающих процесс повышения социальной ответственности всех участников хозяйственной деятельности: государства, бизнеса, граждан, общества в целом. Среди них: формирование социально ответственного мышления у субъектов хозяйственной деятельности, феномена социально ответственного (устойчивого) потребления, многосубъектной, солидарной модели социальной политики; институционализация КСО; повышение роли университетов и бизнес-

школ в становлении социально ответственного мышления, продвижении принципов социальной ответственности и устойчивого развития.

Осознание роли и вклада социальных императивов в обеспечение перехода к устойчивому развитию имеет безусловное теоретическое и практическое значение. С теоретической точки зрения исследования в данном направлении будут способствовать формированию теоретических основ устойчивого развития, с практической точки зрения — позволят с системных позиций подойти к разработке стратегий УР как на глобальном, национальном, так и корпоративном уровне; привести цели социальной политики в соответствие с обозначенными социальными параметрами и императивами УР, разработать комплекс соответствующих социальных индикаторов, что, в свою очередь, обеспечит возможность воздействия на социальные процессы и явления, которые могут способствовать устойчивому развитию, т. е. сделать этот процесс управляемым.

Литература

- Бартон Д.* Капитализм, нацеленный в будущее // Harvard Business Review Россия. 2011, июнь–июль. С. 79–86.
- Благов Ю. Е.* Корпоративная социальная ответственность: вызовы управленческому образованию // Вестник С.-Петерб. ун-та. Серия Менеджмент. 2010. Вып. 2. С. 143–161.
- Бляхман Л. С.* Социальная политика как предмет новой политэкономии // Проблемы современной экономики. 2012. № 1. С. 37–46.
- Бобылев С. Н., Зубаревич Н. В., Соловьева С. В.* Вызовы кризиса: как измерять устойчивость развития // Вопросы экономики. 2015. № 1. С. 147–160.
- Будущее, которого мы хотим. Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию. Рио-де-Жанейро, Бразилия. 20–22 июня 2012 г. ООН, 2012. URL: http://www.iblfrussia.org/a-conf.216-l-1_russian.pdf.pdf (дата обращения: 18.01.2017).
- Глобальная экологическая перспектива («Geo-5»). Резюме для политиков и лиц, принимающих решения. Пятый доклад Программы ООН по окружающей среде. ЮНЕП. 2012. URL: <https://wedocs.unep.org/rest/bitstreams/12915/retrieve> (дата обращения: 28.02.2017).
- Доклад о человеческом развитии 2011. Устойчивое развитие и равенство возможностей: Лучшее будущее для всех / пер. с англ.; ПРООН. М.: Весь Мир, 2011. 188 с. URL: http://www.tj.undp.org/content/dam/tajikistan/docs/library/UNDP_TJK_HDR_2011_Rus.pdf (дата обращения: 28.02.2017).
- Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год. Краткая версия под ред. С. Н. Бобылева и Л. М. Григорьева. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2016. 44 с. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/11138.pdf> (дата обращения: 28.02.2017).
- Документы общего собрания участников российской сети Глобального Договора ООН. 2016. URL: <http://www.globalcompact.ru/news/obshhee-sobranie-uchastnikov-seti-gd-oon-2016.html> (дата обращения: 28.02.2017).
- Ежегодный доклад ЮНЕП за 2015 г. Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде. 2016. 64 с. URL: <https://wedocs.unep.org/rest/bitstreams/11118/retrieve> (дата обращения: 28.02.2017).
- Есть такое слово: «справедливость» // Эксперт. 2016. № 9. С. 11–15.
- Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию. Всемирный саммит по устойчивому развитию. Йоханнесбург. 2002. 6 с. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/decl_wssd.pdf (дата обращения: 28.02.2017).
- Канаева О. А.* Корпоративная социальная ответственность: проблемы интеграции в образовательные программы подготовки экономистов // Вестник С.-Петерб. ун-та. Серия 5. Экономика. 2012. Вып. 3. С. 157–171.
- Канаева О. А.* Корпоративная социальная политика: теория и практика управленческих решений. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. 363 с.
- Канаева О. А.* Социальная ответственность субъектов хозяйственной деятельности в посткризисной экономике // Вестник С.-Петерб. ун-та. Серия 5. Экономика. 2010. Вып. 4. С. 25–34.

- Канаева О. А. Социальная политика 2.0 — новая версия для устойчивого развития // Проблемы современной экономики. 2014а, № 2 (50). С. 132–137.
- Канаева О. А. Социальная политика 2.0 — новая версия для устойчивого развития // Проблемы современной экономики. 2014б, № 3 (51). С. 146–151.
- Корпоративный форум по устойчивому развитию «Рио+20»: обзор и результаты. Итоговый доклад. 2012. 50 с. URL: http://www.iblfrussia.org/RioCorpSustForum_Outcome_RUS.pdf (дата обращения: 28.02.2017).
- Лехтман А. Всемирный социальный форум: за устойчивое развитие без капитализма. 2012. 14 февраля. URL: <http://www.sensusnovus.ru/news/2012/02/14/12766.html> (дата обращения: 28.02.2017).
- Макки Дж., Сисодиа Р. Сознательный капитализм. М., 2015. 336 с.
- Мантанов В. В. Конференция ООН «Рио+20»: новая парадигма глобального устойчивого развития. Расширенный вариант доклада. 2012. URL: http://www.globalistika.ru/symposium/congr2012/RIO_20.htm (дата обращения: 28.02.2017).
- Медоуз Д. Попытка № 3 // Студенческий меридиан. 2005. № 2. URL: <http://www.stm.ru/archive/194/> (дата обращения: 28.02.2017).
- Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М.: Изд-во МНЭПУ, 1988. 205 с. URL: <http://old.rgo.ru/wp-content/uploads/2010/09/3.-Моисеев.pdf> (дата обращения 20.02.2017).
- Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2020 г. Минск, Юнипак. 2004. 204 с. URL: http://un.by/images/library/thematic-publications/sustainable-development/OON_sSmall_Rus.pdf (дата обращения: 28.02.2017).
- Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р ИСО 26000-2012 «Руководство по социальной ответственности». 2012. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200097847> (дата обращения: 28.02.2017).
- Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р 54598.1-2015 «Менеджмент устойчивого развития. Часть 1. Руководство». М.: Стандартиформ. 2016. 30 с. URL: <http://files.stroyinf.ru/Data2/1/4293758/4293758358.pdf> (дата обращения: 28.02.2017).
- Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию. Пер. с англ. / под ред. С. А. Евтеева и Р. А. Перелета. М.: Прогресс, 1989. 376 с.
- От переходного периода к трансформации: устойчивое и всеобъемлющее развитие в Европе и Центральной Азии. Доклад Европейской экономической комиссии и Программы развития ООН. М., 2012. 169 с. URL: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/publications/oes/ECE_RIO_20_RUS.pdf (дата обращения: 28.02.2017).
- О реализации принципов устойчивого развития в Российской Федерации. Российский взгляд на новую парадигму устойчивого развития. Подготовка к Рио+20: доклад, М., 2012. 80 с. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/1048natreprus.pdf> (дата обращения: 28.02.2017).
- ОЭСР: социальное неравенство тормозит экономический рост. 2014. URL: http://www.bbc.com/russian/business/2014/12/141209_oecd_inequality (дата обращения: 28.02.2017).
- Парижское соглашение. 21 сессия Конференция сторон Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата. Париж, 30 ноября — 12 декабря 2015 года. ООН. 2015. 32 с. URL: http://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 28.02.2017).
- Пахомова Н. В., Рихтер К. К., Малышков Г. Б. Инклюзивный экономический рост: приоритеты, индикаторы, международный опыт, потенциал согласования с моделью реиндустриализации // Проблемы современной экономики. 2014. № 3 (51). С. 15–25.
- Печеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985. 312 с.
- Повестка дня на XXI век. Принята на конференции ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21 (дата обращения: 28.02.2017).
- Позитивная экономика. Материалы Форума. Ростов-на-Дону. 2015. URL: <http://rc-sr.ru/wp-content/uploads/2015/11/Itogi-Forum-Rus.pdf> (дата обращения 15.12.2017).
- Портер М., Креймер М. Капитализм для всех // Harvard Business Review Россия. 2011, март. С. 34–52.
- Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25.09.2015. А/RES/70/1. ООН, Нью-Йорк, 2015. 44 с. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R (дата обращения: 28.02.2017).
- Ставерен И. ван. Этика эффективности // Вопросы экономики. 2009, № 12. С. 58–71.
- Тарасова Н. П., Кручина Е. Б. Индексы и индикаторы устойчивого развития. URL: https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fwww.mnr.gov.ru%2Ffiles%2Fpart%2F8048_indikator.doc&name=8048_indikator.doc&lang=ru&с=5899df43ca8a (дата обращения: 28.02.2017).

- Трансформируя бизнес, изменяя мир. Доклад ООН, подготовленный по случаю 15-ой годовщины Глобального договора. ООН. 2015. 186 с. URL: http://www.globalcompact.ru/assets/uploads/reports/bulletins/Transformiruy%20biznes_izmeniy%20mir.pdf (дата обращения: 28.02.2017).
- Цели в области развития на пороге тысячелетия / План осуществления Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций. Доклад Генерального секретаря. Пятьдесят шестая сессия Генеральной Ассамблеи ООН 6.09.2001. A/56/326. ООН. 2001. С. 7–75. URL: http://www.unisdr.org/files/13543_N0152610.pdf (дата обращения: 28.02.2017).
- Цели развития тысячелетия: доклад за 2015 год. ООН. 2015. 75 с. URL: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf> (дата обращения: 28.02.2017).
- Шабанова М. Л. Этическое потребление в России: профили, факторы, потенциал развития // Вопросы экономики. 2015. № 5. С. 79–103.
- Шуинар И., Эллисон Дж., Риджвэй Р. Экономика истинных издержек // Harvard Business Review Россия. 2011, декабрь. С. 42–58.
- Antil J. H. Socially Responsible Consumers: Profile and Implications for Public Policy // Journal of Macromarketing. 1984. Vol. 4. P. 18–39.
- CSD Indicators of Sustainable development. 3rd edition. 2009. URL: <http://www.un.org/esa/sustdev/natlinfo/indicators/factsheet.pdf> (дата обращения: 28.02.2017).
- Dyllick Th., Hockerts K. Beyond the Business Case for Corporate Sustainability. Business Strategy and the Environment. 2002. Vol. 11, iss. 2. P. 130.
- Emerging Issues: Social Drivers of Sustainable Development — Note for the Secretariat submitted by UNRISD, United Nations Research Institute for Social Development (UNRISD). 2013. November 14. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/1218unrisd2.pdf> (дата обращения: 28.02.2017).
- Fisk G. Criteria for a Theory of Responsible Consumption // Journal of Marketing. 1973. Vol. 37, N 2. P. 24–31.
- Global Competitiveness Report. 2013–2014 rankings. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2013-14.pdf (дата обращения: 28.02.2017).
- Guide to Corporate Sustainability. Shaping a Sustainable Future. United Nations Global Compact. New York, 2014. URL: https://www.globalcompact.de/wAssets/docs/Nachhaltigkeits-CSR-Management/un_global_compact_guide_to_corporate_sustainability.pdf (дата обращения 15.12.2017).
- Ha-Brookshire J. E., Hodges N. N. Socially Responsible Consumer Behavior? Exploring Used Clothing Donation Behavior // Clothing & Textiles Research Journal. 2009. Vol. 27, N 3. P. 179–196.
- Inclusive Green Growth: the Pathway to Sustainable Development. The World Bank. Washington D. C. 2012.
- Meyer E. C. Social Aspects of Sustainability. Münster, January 2000. URL: <https://www.wiwi.uni-muenster.de/vwt/vwd/pdf/300.pdf> (дата обращения: 28.02.2017).
- Mohr L. A., Webb D. J., Harris K. E. Do consumers expect companies to be socially responsible? The impact of corporate social responsibility on buying behavior // The Journal of Consumer Affairs. 2001. Vol. 35, N I. P. 45–72.
- Ozcaglar-Toulouse N. Apport du concept d'identité à la compréhension du comportement du consommateur responsable: une application à la consommation des produits issus du commerce équitable. 2005. URL: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00300664/document> (дата обращения: 28.02.2017).
- Principles for Responsible Management Education (PRME). 2007. URL: <http://www.unprme.org/about-prme/the-six-principles.php> (дата обращения: 28.02.2017).
- Renewed European Sustainable Development Strategy. European Union. Brussels. European Council. 2006. URL: <http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/06/st10/st10117.pdf> (дата обращения: 28.02.2017).
- Roberts J. A. Profiling Levels of Socially Responsible Consumer Behavior: A Cluster Analytic Approach and Its Implications for Marketing // Journal of Marketing Theory and Practice. 1995. Vol. 3, N 4. P. 97–117.
- Rogoff K. Is Modern Capitalism Sustainable? December, 2. 2011. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/is-modern-capitalism-sustainable?barrier=accessreg> (дата обращения: 28.02.2017).
- The Global Risks Report 2017 12th Edition. Insight Report. World Economic Forum. Geneva. 2017. URL: http://www3.weforum.org/docs/GRR17_Report_web.pdf (дата обращения: 10.06.2017).
- Webster F. E. Jr. Determining the characteristics of the socially conscious consumer // Journal of Consumer Research. 1975. Vol. 2 (December). P. 188–196.

Статья поступила в редакцию 14.03.2017

Статья рекомендована в печать 13.12.2017

Контактная информация:

Канаева Ольга Алексеевна — канд. экон. наук, доц.; o.kanaeva@spbu.ru

Social imperatives of sustainable development

O. A. Kanaeva

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Kanaeva O. A. Social imperatives of sustainable development. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 2018, vol. 34, issue 1, pp. 26–58. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2018.102>

The article substantiates the need to focus on the social pillar of sustainable development (SD). Methodologically, the author considers a three-dimensional approach to SD, which is based on three pillars (dimensions): economic, ecological, and social. Traditionally, the main focus of researchers is the environmental and economic pillars, while the social pillar is studied only to a lesser extent. A reflection of this situation is the lack of a generally accepted approach to the analyzing and interpreting its social parameters, indicators and imperatives. The purpose of this paper is to define SD social imperatives and the rationale for increasing their role in ensuring sustainable development. The article extends the content of the social pillar and the concept of “SD social imperatives.” The expediency of introducing the concept of “SD social imperatives” is due, on the author’s opinion, to the presence of many factors and the ambiguous nature of their impact on the SD process. This involves phenomena and processes of a social nature, emerging risks, trends, and institutions that necessitate both the transition to SD and the possibility of implementing its basic principles. The author focuses on changes that are systemic in nature, reflecting the process of increasing the social responsibility of all participants in economic activity: the state, business, citizens, and society as a whole. Among them are: the formation of socially responsible thinking by business entities, the phenomenon of socially responsible (sustainable) consumption and the multi-subject, solidarity model of social policy; the institutionalization of corporate social responsibility; and the increasing role of universities and business schools in developing socially responsible thinking and promoting principles of social responsibility and sustainable development.

Keywords: sustainable development, social dimensions, social indicators, social imperatives of sustainable development, corporate social responsibility, social policy.

References

- Antil J. H. Socially Responsible Consumers: Profile and Implications for Public Policy. *Journal of MacroMarketing*, 1984, vol. 4, pp. 18–39.
- Barton D. Kapitalizm, natselennyi v budushchee [Capitalism for the long term]. *Harvard Business Review Russia*, 2011, June–July, pp. 79–86. (In Russian)
- Blagov Iu. E. Korporativnaia sotsial’naia otvetstvennost’: vyzovy upravlencheskomu obrazovaniiu [Corporate social responsibility — challenges for management education]. *Vestnik SPbSU. Series 8. Management*, 2010, issue 2, pp. 143–161. (In Russian)
- Bliakhman L. S. Sotsial’naia politika kak predmet novoi politekonomii [Social policy as a subject of new political economy]. *Problemy sovremennoi ekonomiki [Problems of Modern Economy]*, 2012, no. 1, pp. 132–137. (In Russian)
- Bobylev S. N., Zubarevich N. V., Solov’eva S. V. Vyzovy krizisa: kak izmeriat’ ustoichivost’ razvitiia [Crisis challenges: how to measure the stability of development]. *Voprosy ekonomiki [Economy Questions]*, 2015, no. 1, pp. 147–160. (In Russian)
- Budushchee, kotorogo my khotim. Itogovyi dokument Konferentsii OON po ustoichivomu razvitiuu*. Rio-de-Zhaneiro, Braziliia. 20–22 iyunia 2012 g. A/CONF.216/L.1. OON, 2012 [*The future we want. Outcome of the UN Conference on Sustainable Development*. Rio de Janeiro, Brazil 20–22 June 2012]. Available at: http://www.iblfrussia.org/a-conf.216-1-1_russian.pdf.pdf (accessed: 18.01.2017). (In Russian)
- Chouinard Y., Ellison J., Ridgeway R. Ekonomika istinnykh izderzhek [The economy of true costs]. *Harvard Business Review Russia*, 2011, December, pp. 42–58. (In Russian)
- CSD *Indicators of Sustainable development*. 3rd edition. 2009. Available at: <http://www.un.org/esa/sustdev/natlinfo/indicators/factsheet.pdf> (accessed: 28.02.2017).

- Doklad «O realizatsii printsipov ustoichivogo razvitiia v Rossiiskoi Federatsii. Rossiiskii vzgliad na novuiu paradigmatu ustoichivogo razvitiia. Podgotovka k Rio+20» [Report "On the implementation of the principles of sustainable development in the Russian Federation. Russian view on the new paradigm of sustainable development. Preparation for Rio+20"]. Moscow, 2012. 80 p. Available at: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/1048natreprus.pdf> (accessed: 28.02.2017). (In Russian)
- Doklad o chelovecheskom razvitiu 2011. Ustoichivoe razvitie i ravenstvo vozmozhnostei: Luchshee budushchee dlia vsekh [Human Development Report 2011. Sustainability and Equity: A Better Future for All]. Transl. from engl. Moscow, Ves Mir Publ., 2011. 188 p. Available at: http://www.tj.undp.org/content/dam/tajikistan/docs/library/UNDP_TJK_HDR_2011_Rus.pdf (accessed: 28.02.2017). (In Russian)
- Doklad o chelovecheskom razvitiu v Rossiiskoi Federatsii za 2016 god. Kratkaia versia pod red. S.N. Bobyleva i L.M. Grigor'eva [Human Development in Russian Federation Report 2016. Short version. Eds. by S.N. Bobyleva, L.M. Grigorjev. Analytic Center of Russian Federation Government]. 2016. 44 p. Available at: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/11138.pdf> (accessed: 28.02.2017). (In Russian)
- Dokumenty obshchego sobraniia uchastnikov rossiiskoi seti Global'nogo Dogovora OON. 2016 [Documents of participants general meeting of UN Global Compact Russian Network]. 2016. Available at: <http://www.globalcompact.ru/news/obshhee-sobranie-uchastnikov-seti-gd-oon-2016.html> (accessed: 28.02.2017). (In Russian)
- Dyllick Th., Hockerts K. Beyond the Business Case for Corporate Sustainability. *Business Strategy and the Environment*, 2002, vol. 11, iss. 2, p. 130.
- Emerging Issues: Social Drivers of Sustainable Development — Note for the Secretariat submitted by UNRISD, United Nations Research Institute for Social Development (UNRISD). 2013. November 14. Available at: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/1218unrisd2.pdf> (accessed: 28.02.2017).
- Est' takoe slovo: «spravedlivosť» [There is a word — justice]. *Ekspert [Expert]*, 2016, no. 9, pp. 11–15. (In Russian)
- Ezhegodnyi doklad IuNEP za 2015 g. Programma Organizatsii Ob'edinennykh Natsii po okruzhaiushchei srede [UNEP 2015 Annual Report. United Nations Environment Programme]. 2016. 64 p. Available at: <https://wedocs.unep.org/rest/bitstreams/11118/retrieve> (accessed: 28.02.2017). (In Russian)
- Fisk G. Criteria for a Theory of Responsible Consumption. *Journal of Marketing*, 1973, vol. 37, no. 2, pp. 24–31.
- Global Competitiveness Report. 2013–2014 rankings. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2013-14.pdf (accessed: 28.02.2017).
- Global'naia ekologicheskaiia perspektiva («Geo-5»). Reziiume dlia politikov i lits, priniimaiushchikh resheniia. Piatyi doklad Programmy OON po okruzhaiushchei srede. IuNEP. 2012 [Global Environmental Outlook (GEO-5). United Nations Environment Programme fifth report. UNEP. 2012]. Available at: <https://wedocs.unep.org/rest/bitstreams/12915/retrieve> (accessed: 28.02.2017). (In Russian)
- Guide to Corporate Sustainability. Shaping a Sustainable Future. United Nations Global Compact. New York, 2014. Available at: https://www.globalcompact.de/wAssets/docs/Nachhaltigkeits-CSR-Management/un_global_compact_guide_to_corporate_sustainability.pdf (accessed: 15.12.2017).
- Ha-Brookshire J. E., Hodges N. N. Socially Responsible Consumer Behavior? Exploring Used Clothing Donation Behavior. *Clothing & Textiles Research Journal*, 2009, vol. 27, no. 3, pp. 179–196.
- Inclusive Green Growth: the Pathway to Sustainable Development. The World Bank. Washington D. C., 2012.
- Iokhannesburgskaia deklaratsiia po ustoichivomu razvitiu. Vsemirnyi sammit po ustoichivomu razvitiu [Johannesburg Declaration on Sustainable Development. The World Summit on Sustainable Development]. Johannesburg, 2002. 6 p. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/decl_wssd.pdf (accessed: 28.02.2017). (In Russian)
- Kanaeva O. A. Korporativnaia sotsial'naia otvetstvennost': problemy integratsii v obrazovatel'nye programmy podgotovki ekonomistov [Corporate Social Responsibility: Problems of Integration into Educational Programs of Higher Education]. *Vestnik SPbSU. Series 5. Economics*, 2012, iss. 31, pp. 157–171. (In Russian)
- Kanaeva O. A. Korporativnaia sotsial'naia politika: teoriia i praktika upravlencheskikh reshenii [Corporate Social Policy — Theory and Management Decisions Practice]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2013. 363 p. (In Russian)
- Kanaeva O. A. Sotsial'naia otvetstvennost' sub'ektov khoziaistvennoi deiatel'nosti v postkrisisnoi ekonomike [Social Responsibility of Economic Agents in the Post-crisis Economy]. *Vestnik SPbSU. Series 5. Economics*, 2010, iss. 4, pp. 25–34. (In Russian)
- Kanaeva O. A. Sotsial'naia politika 2.0 — novaia versia dlia ustoichivogo razvitiia [Social Policy 2.0 — A New Version for Sustainable Development]. *Problemy sovremennoi ekonomiki [Problems of Modern Economy]*, 2014, no. 2, pp. 132–137. (In Russian)
- Kanaeva O. A. Sotsial'naia politika 2.0 — novaia versia dlia ustoichivogo razvitiia [Social Policy 2.0 — A New Version for Sustainable Development]. *Problemy sovremennoi ekonomiki [Problems of Modern Economy]*, 2014, no. 3, pp. 146–151. (In Russian)

- Korporativnyi forum po ustoichivomu razvitiu «Rio+20»: obzor i rezul'taty. Itogovy doklad [Rio+20 Corporate Sustainability Forum Overview and Outcomes: Summary Report]. 2012. 50 p. Available at: http://www.iblfrussia.org/RioCorpSustForum_Outcome_RUS.pdf (accessed: 28.02.2017). (In Russian)
- Lekhtman A. Vsemirnyi sotsial'nyi forum: za ustoichivoe razvitie bez kapitalizma [World social forum: for sustainable development without capitalism]. 2012. February 14. Available at: <http://www.sensusunovus.ru/news/2012/02/14/12766.html> (accessed: 28.02.2017). (In Russian)
- Mackey J., Sisodia P. Soznatel'nyi kapitalizm [Conscious Capitalism]. Transl. from Engl. A. Korobeinikov. Moscow, Mann, Ivanov and Furber Publ., 2015. 336 p. (In Russian)
- Mantanov V. V. Konferentsiia OON «Rio+20»: novaia paradigma global'nogo ustoichivogo razvitiia. Rasshirennyi variant doklada [UN Conference "Rio + 20": A New Paradigm of Global Sustainable Development. Advanced report]. 2012. Available at: http://www.globalistika.ru/symposium/congr2012/RIO_20.htm (accessed: 28.02.2017). (In Russian)
- Medouz D. Popytka № 3 [Attempt No. 3]. *Studencheskii meridian* [Student meridian], 2005, no. 2. Available at: <http://www.stm.ru/archive/194/> (accessed: 28.02.2017). (In Russian)
- Meyer E. C. *Social Aspects of Sustainability*. Münster, 2000, January. Available at: <https://www.wiwi.uni-muenster.de/vwt/vwd/pdf/300.pdf> (accessed: 28.02.2017).
- Mohr L. A., Webb D. J., Harris K. E. Do consumers expect companies to be socially responsible? The impact of corporate social responsibility on buying behavior. *The Journal of Consumer Affairs*, 2001, vol. 35, no. 1, pp. 45–72.
- Moiseev N. N. *Sud'ba tsivilizatsii. Put' razuma* [Fate of civilization. The way of reason]. Moscow, Publ. house of MNEPU, 1988. 205 p. Available at: <http://old.rgo.ru/wp-content/uploads/2010/09/3.-Moiseev.pdf> (accessed: 20.02.2017). (In Russian)
- Nashe obshchee budushchee*. Doklad Mezhdunarodnoi komissii po okruzhaiushchei srede i razvitiu [Our Common Future. Report of the World Commission on Environment and Development]. Transl. from Engl. by S. A. Evteev, R. A. Perelet. Moscow, Progress Publ., 1989. 376 p. (In Russian)
- Natsional'naiia strategiia ustoichivogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia respubliki Belarus' do 2020 g.* [National Strategy of sustainable socio-economic development of Belarus for the period up to 2020]. Minsk, Unipak Publ., 2004. 204 p. Available at: http://un.by/images/library/thematic-publications/sustainable-development/OON_sSmall_Rus.pdf (accessed: 28.02.2017). (In Russian)
- Natsional'nyi standart Rossiiskoi Federatsii GOST R ISO 26000-2012 «Rukovodstvo po sotsial'noi otvetstvennosti»* [National standard of Russian Federation GOST R ISO 2600-2012 "Guidance on social responsibility"]. 2012. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/1200097847> (accessed: 28.02.2017). (In Russian)
- Natsional'nyi standart Rossiiskoi Federatsii. GOST R 54598.1-2015 «Menedzhment ustoichivogo razvitiia. Chast' 1. Rukovodstvo»* [National standard of Russian Federation (2015). GOST R 54598.1-2015 Management of sustainable development. Part 1. Guide]. Moscow, Standartinform Publ., 2016. 30 p. Available at: <http://files.stroyinf.ru/Data2/1/4293758/4293758358.pdf> (accessed: 28.02.2017). (In Russian)
- OESE: *sotsial'noe neravenstvo tormozit ekonomicheskii rost* [OECD: social inequality hinders economic growth]. Available at: http://www.bbc.com/russian/business/2014/12/141209_oecd_inequality (accessed: 28.02.2017). (In Russian)
- Ot perekhodnogo perioda k transformatsii: ustoichivoe i vseob'emliushchee razvitie v Evrope i Tsentral'noi Azii*. Doklad Evropeiskoi ekonomicheskoi komissii i Programmy razvitiia OON [From Transition to Transformation: Sustainable and Inclusive Development in Europe and Central Asia. Report of Economic Commission for Europe and United Nations Development Programme], 2012. 169 p. Available at: http://www.unecce.org/fileadmin/DAM/publications/oes/ECE_RIO_20_RUS.pdf (accessed: 28.02.2017). (In Russian)
- Ozcgalar-Toulouse N. *Apport du concept d'identité à la compréhension du comportement du consommateur responsable: une application à la consommation des produits issus du commerce équitable*. 2005. Available at: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00300664/document> (accessed: 28.02.2017).
- Pakhomova N. V., Rikhter K. K., Malyshev G. B. Inkluzivnyi ekonomicheskii rost: priority, indikatory, mezhdunarodnyi opyt, potentsial soglasovaniia s model'iu reindustrializatsii [Inclusive economic growth: priorities, indicators, international experience and potential for reconciliation with the model of reindustrialization]. *Problemy sovremennoi ekonomiki* [Problems of Modern Economy], 2014, no. 3, pp. 15–25. (In Russian)
- Parizhskoe soglasenie*. 21 sessiia Konferentsiia storon Ramochnoi konventsii Organizatsii Ob"edinennykh Natsii ob izmenenii klimata. Parizh, 30 noiabria — 12 dekabria 2015 goda. OON [Paris Agreement. 21-st session of Conference of the Parties of the United Nations Framework Convention on Climate Change. Paris, 30 November — 12 December. UN], 2015. 32 p. Available at: http://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/russian_paris_agreement.pdf (accessed: 28.02.2017). (In Russian)

- Pechei A. *Chelovecheskie kachestva [The Human Quality]*. Moscow, Progress Publ., 1985. 312 p. (In Russian)
- Porter M., Kreimer M. Kapitalizm dlia vsekh [Capitalism for all]. *Harvard Business Review Russia*, 2011, March, pp. 34–52. (In Russian)
- Povestka dnia na XXI vek. Priniata na konferentsii OON po okruzhaiushchei srede i razvitiuu*. Rio-de-Zhaneiro, 3–14 iunია 1992 g. [Agenda 21. Adopted at the United Nations Conference on Environment and Development. Rio de Janeiro, 3–14 June 1992]. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21 (accessed: 28.02.2017). (In Russian).
- Pozitivnaia ekonomika*. Materialy Forumy [Positive Economy Forum. Forum Proceedings]. Rostov-on-Don. 2015. Available at: <http://rc-sr.ru/wp-content/uploads/2015/11/Itogi-Forumy-Rus.pdf> (accessed: 15.12.2017).
- Preobrazovanie nashego mira: Povestka dnia v oblasti ustoichivogo razvitiia na period do 2030 goda*. Rezoliutsiia, priniataia General'noi Assamblei 25.09.2015. [Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. Resolution adopted by the General Assembly on 25.09.2015]. A/RES/70/1. UN, New York, 2015. 44 p. Available at: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R (accessed: 28.02.2017). (In Russian)
- Principles for Responsible Management Education (PRME)*. 2007. Available at: <http://www.unprme.org/about-prme/the-six-principles.php> (accessed: 28.02.2017).
- Renewed European Sustainable Development Strategy*. European Union. Brussels. European Council. 2006. Available at: <http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/06/st10/st10117.pdf> (accessed: 28.02.2017).
- Roberts J. A. Profiling Levels of Socially Responsible Consumer Behavior: A Cluster Analytic Approach and Its Implications for Marketing. *Journal of Marketing Theory and Practice*, 1995, vol. 3, no. 4, pp. 97–117.
- Rogoff K. *Is Modern Capitalism Sustainable?* 2011. December 2. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/is-modern-capitalism-sustainable?barrier=accessreg> (accessed: 28.02.2017).
- Shabanova M. L. Etichnoe potreblenie v Rossii: profili, faktory, potentsial razvitiia [Ethical consumption in Russia: profiles, factors, development potential]. *Voprosy ekonomiki [Economy Questions]*, 2015, no. 5, pp. 79–103. (In Russian)
- Staveren I. van. Etika effektivnosti [The ethics of efficiency]. *Voprosy ekonomiki [Economy Questions]*, 2019, no. 12, pp. 58–71. (In Russian)
- Tarasova N. P., Kruchina E. B. *Indeksy i indikatory ustoichivogo razvitiia [Indices and indicators of sustainable development]*. Available at: https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fwww.mnr.gov.ru%2Ffiles%2Fpart%2F8048_indikator.doc&name=8048_indikator.doc&lang=ru&c=5899df43ca8a (accessed: 28.02.2017). (In Russian)
- The Global Risks Report 2017*. 12th Edition. Insight Report. World Economic Forum. Geneva. 2017. Available at: http://www3.weforum.org/docs/GRR17_Report_web.pdf (accessed: 10.06.2017).
- Transformirua biznes, izmeniaia mir*. Doklad OON, podgotovlenniy po sluchaiu 15-oi godovshchiny Global'nogo dogovora [Transforming Business, Changing the World. UN Global Compact 15th anniversary report]. UN, 2015. 186 p. Available at: http://www.globalcompact.ru/assets/uploads/reports/bulletins/Transformiruy%20biznes_izmeniy%20mir.pdf.pdf (accessed: 28.02.2017). (In Russian)
- Tseli razvitiia tysiacheletia: doklad za 2015 god [The Millennium Development Goals Report 2015]*, UN, 2015. 75 p. Available at: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf> (accessed: 28.02.2017). (In Russian)
- Tseli v oblasti razvitiia na poroge tysiacheletia*. Plan osushchestvleniia Deklaratsii tysiacheletia Organizatsii Ob'edinennykh Natsii. Doklad General'nogo sekretaria. Piat'desiat shestaia sessiia General'noi Assamblei OON 6.09.2001 [Millennium development goals. Road map towards the implementation of the United Nations Millennium Declaration. Report of the Secretary-General. Fifty-sixth session of UN General Assembly 6.09.2001]. A/56/326. UN. 2001, pp. 71–75. Available at: http://www.unisdr.org/files/13543_N0152610.pdf (accessed: 28.02.2017). (In Russian)
- Webster F.E.Jr. Determining the characteristics of the socially conscious consumer. *Journal of Consumer Research*, 1975, vol. 2 (December), pp. 188–196.

Author's information:

Olga A. Kanaeva — PhD in Economics, Associate Professor; o.kanaeva@spbu.ru